

МЭРИ МЕЙСТЕР

ПРАВДА
для
ВЕРИТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мэри Мейстер
Правда для Верити

«Автор»

2026

Мейстер М.

Правда для Верити / М. Мейстер — «Автор», 2026

Она потеряла любовь. Потеряла свободу. Потеряла себя. Всё изменилось в тот день, когда на пороге дома Верити появился незнакомец. С этого момента её жизнь превращается в череду испытаний: опасная тайна прошлого, коварные враги и чувства к человеку, которого ей следовало бы ненавидеть. Но иногда правда способна разрушить не только ложь — она разрушает сердца. Смогут ли Верити пройти этот путь до конца?

© Мейстер М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	34
Глава 4	38
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Мэри Мейстер

Правда для Верити

Глава 1

Целый день в небе лениво ворочались серые тучи, и к вечеру они наконец пролились дождём. Безобидная морось быстро перешла в сильный, промозглый ливень. Крупные холодные капли хлестали по лицу, плечам, затекали за воротник и ледяными струйками скользили по спине. Верити недовольно передёрнула плечами, встала и накинула свой плащ. Прищурившись, она огляделась в поисках убежища. Совсем недалеко, на лесной опушке, стояла огромная разлапистая ель. Под такими земля всегда остаётся сухой.

Платье промокло насквозь, подол лип к ногам и мешал идти. Задрав юбки повыше, Верити ускорила шаг. Вода стекала по лицу, заливала глаза, но она упрямо продиралась к лесу через поросль низкого, местами колючего кустарника. Вдруг земля ушла из-под ног — сильные руки подхватили её и перекинули через плечо.

— Твои чудесные ножки слишком хороши для такого, — с усмешкой произнёс Сэм.

— Я не овца, чтобы таскать меня, перекинув через плечо! — возмутилась Верити. — Поставь меня немедленно!

— Я бы сказал овечка, — хмыкнул Сэм. — Увесистая, чёрт возьми, и буйная.

Верити пыталась соскользнуть вниз, но он перехватил её покрепче и уверенно зашагал к ели. Сэм не сказал больше ни слова, пока они не укрылись от дождя.

— Отпусти, — тихо попросила она, когда оказались под ветвями.

Сэм осторожно поставил её на землю. Верити прислонилась спиной к шершавому стволу и сложила руки на груди. Она хмуро смотрела вдаль, прикидывая как будет добираться домой. На другом конце поляны не обращая внимания на погоду паслись две стреноженные лошади, казалась погода им совсем не мешает.

Сэм ворчал и потирал свежую ссадину, которая виднелась на груди через развязанный ворот рубахи.

— Ты не овечка. Ты волк в овечьей шкуре.

Его чёрные глаза свирепо сверкнули в полумраке, царившем под елью.

Он затряс головой, отряхавшись, словно пёс и обрызгал всё вокруг. Верити тыльной стороной ладони провела по щекам, размазывая попавшие на неё капли, и недовольно покосилась на Сэма.

«Как же он красив», — мелькнуло у неё в голове. Отросшие волосы Сэма намокли, и чёрные вьющиеся пряди разметались по плечам. Промокшая насквозь рубаха липла к телу, и Верити поспешно отвела взгляд. Она не могла злиться на него дольше двух минут.

— Это тебе показалось хорошей идеей — валяться в кустах, как звери. Думаю, справедливая расплата, — она провела ногтями по его предплечью, демонстрируя «орудие преступления».

Но всё-таки она злилась. Во-первых, Верити замёрзла, хотя ещё несколько минут назад вся пылала в объятиях Сэма. Во-вторых, дождь сегодня уже не закончится: низкое, до самого горизонта, серое небо не оставляло надежды. А значит, домой она вернётся промокшая до нитки и получит отличного нагоняя от матери.

Под шум дождя мысли понеслись вдаль: дом, где в камине сейчас потрескивает ласковый огонь; с кухни доносится аппетитный аромат ужина; можно уютно устроиться в кресле, протянув ноги к огню. Верити задумалась и совсем забыла про Сэма, поэтому вздрогнула, когда его пальцы осторожно коснулись её виска. Он вытащил из растрёпанных волос веточку, потом

другую. Сэм смотрел на неё с нежностью. Его взгляд никогда не мог оставить Верити равнодушной. Она залилась краской, отвернулась и закусил губу.

— Можем переночевать здесь, — предложил он, не скрывая улыбки.

— Я же говорила, что пора поворачивать домой!

— Прости, не мог устоять перед соблазном оказаться в твоих объятиях. Знаешь, недалеко есть сарай...

— Я не буду ночевать в сарае! — возмутилась Верити. — Меня дома хватятся. И... это ну... уже слишком!

Верити вообще позволяла ему многое. С каждым разом всё больше. Кончики её ушей тут же вспыхнули от смущения. Она поправила одежду и убрала с лица непослушную прядь.

— Стоило попытаться, — весело заметил Сэм.

Он резко притянул её к себе. Верити пискнула, но не сопротивлялась. От его тела исходило приятное тепло, и она сама прижалась крепче. Сэм пах сеном, дымом и лошадьми. К этому добавился еще холодный запах дождя и растревоженной еловой хвои. От этого аромата у Верити закружилась голова.

Забравшись рукой под его рубашку, она почувствовала, как он весь напрягся под её пальцами. Верити хитро улыбнулась, довольная собой, но тут же была наказана: Сэм прильнул к её шее, и жёсткая щетина оцарапала нежную кожу. Верити охнула от неожиданности и попыталась отстраниться, но сильные руки только крепче прижимали её к себе.

Когда он наконец отстранился, Верити, всё ещё тяжело дыша, исподлобья взглянула на него с немим укором. Сэм сжалился и нежно поцеловал её в знак примирения. Было сыро, холодно и так хорошо.

На развилке, где обычно они расставались, Сэм подъехал к ней насколько это было возможно, приподнялся в седле и одарил её долгим, неторопливым поцелуем. Он словно и не замечал льющуюся на них с неба воду.

— Сегодня мы припозднились. Я провожу тебя до дома.

— И речи быть не может! — возмутилась Верити. — Нас не должны видеть!

Она тревожно огляделась по сторонам, опасаясь случайных свидетелей. Только в такой глуши и в такую погоду встретить хоть кого-то было чудом.

— Мне наплевать, — самодовольно заявил Сэм. — И не спорь со мной! Спорить с Сэмом действительно было бесполезно. Верити лишь согласно кивнула, и они двинулись в сторону её дома.

Наконец они достигли центральной аллеи. Дом манил теплом и мягким светом, льющимся из окон. Этот свет, как будто обещал заблудшему путнику убежище, сытость и покой.

— Может, пригласишь на ужин? — в темноте сверкнула его дерзкая улыбка.

— Вот еще! — фыркнула Верити. — Отужинаешь дома. Сам напросился меня провожать, иначе давно бы отдыхал в своей берлоге.

— Тут ты, конечно, права, — наигранно обиделся Сэм. — Да и не очень-то хотелось ужинать с твоей матушкой.

— Если она нас увидит, запрет меня, а тебя сотрёт в порошок не меньше. Так что скачи домой.

Сэм пожал плечами и со всего размаху хлопнул ладонью по крупу лошади Верити. Животное заржало от обиды, присело на задние ноги и бросилось галопом к дому.

— Я тебе это припомню, мерзавец! — раздосадованно крикнула Верити грозя ему кулаком, и исчезла в темноте.

Шанса проскользнуть не было. На крыльце с непроницаемым лицом стояла её мать. Вид у миссис Джонс оставался невозмутимым, но маленькая ножка в домашней туфле яростно стучала по каменным плитам. Интересно, сколько раз за вечер она нетерпеливо выглядывала в

окно, ожидая увидеть свою непослушную дочь? «Как бы не прилетело этой самой туфелькой», — подумала Верити.

— Верити Оливия Джонс! Если бы твой отец был жив, он бы умер от стыда! — миссис Джонс одарила дочь испепеляющим взглядом. — Посмотри на себя! Как ты сидишь в седле — это неприемлемо!

Верити поёжилась. Сейчас спорить с матерью было себе дороже.

— Мне нечего сказать в свое оправдание, — тихо выдавила она из себя, шмыгнув покрасневшим носом, и спешила.

Виновато опустив голову, она стояла и ждала, когда ей зачитают список её провинностей. По лицу Верити лились ручейки холодной дождевой воды, волосы и одежда были мокрыми насквозь и неприятно липли к телу. Холод пробирал до костей. Стояла ранняя весна, и по ночам было промозгло.

— Отдай клячу Билли и живо в дом! — миссис Джонс вскинула руку, её длинный изящный палец указывал на конюшню. Верити, всё ещё не поднимая головы, поспешила исполнить указание, за спиной она услышала, как хлопнула дверь. «Легко отделалась», — с облегчением подумала она.

Билли был старым, хромым на одну ногу и слепым на один глаз. Когда-то он служил привратником, но теперь выполнял любую работу по дому. Толку от него было мало, но лошадь прибрать он мог.

— Ох, мисс Верити, — причитал он, приняв поводья, — матушка ваша сильно переживала, пожалели бы вы её. Темень такая, а дочурка её пропала неведомо где. Весь вечер у окна простояла.

У Верити вдруг покраснели уши. Острое чувство стыда кольнуло её в самое сердце, но она ничего не ответила старику и поскорее убралась из конюшни. Билли не сразу заметил, что остался один, и причитал своим жалобным скрипучим голосом ещё какое-то время.

Зайдя в дом через кухню, она скинула сапоги и оставила их у очага. Верити надеялась раздобыть еды и скрыться у себя до утра. Заглянув в буфет, она взяла хлеба, горшочек с джемом и немного вчерашней ветчины. Шлепая босыми ногами по полу, она почти добралась до лестницы на второй этаж, но звук из гостиной привлек её внимание. На цыпочках она подошла к двери. Сквозь небольшую щель пробивался тёплый свет. Голос матери звучал непривычно мягко.

— Даже не смейте волноваться, мистер Ансуорт! — восклицала она. — Эта своенравная девчонка совсем отбилась от рук после смерти моего бедного супруга. С её крепким здоровьем воспаление лёгких ей не грозит!

Верити поближе придвинулась к приоткрытой двери, чтобы разглядеть, перед кем так щебечет её мать, речь которой обычно звучала надменно, с кем бы она ни говорила. Но если это очередной кандидат в мужа, то всё было объяснимо.

После смерти мистера Фрэнсиса Джонса дела в поместье шли скверно. Арендаторы платили, но собственное хозяйство пришло в упадок — а это была львиная доля дохода семьи. Миссис Джонс не могла заниматься плугами и посевами сама, а работники почти разбежались. В добротном двухэтажном доме из красивого белого камня, где было целых пять спален, из слуг остались лишь старая горничная миссис Кребб, кухарка Молли и ворчливый Билли. Ни один мужчина не стал бы вести дела с женщиной, даже такой уважаемой, как её мать. Миссис Джонс отчаянно нуждалась в мужских руках.

Поэтому Верити казалось, что главной задачей матери было поскорее выдать дочерей замуж. Достойных претендентов было мало. Несколько соседних семейств тоже имели дочерей на выданье, а значит, в округе за каждого мало-мальски пригодного кандидата шла настоящая война. И миссис Джонс не собиралась её проигрывать.

Собеседник миссис Джонс сидел в кресле у камина, о котором недавно мечтала Верити, и был совершенно не виден из её убежища. Стараясь остаться незамеченной, но всё же взглянуть на гостя, она вытягивала шею и переступала с ноги на ногу. «Ага, и сестрёнка тут как тут — при полном параде», — ехидно подумала Верити.

Потеряв бдительность, она запуталась в отяжелевших от воды юбках и налетела на дверь всем своим весом. Дверь с ужасным грохотом захлопнулась, едва не прищемив любопытный носик. В гостиной кто-то вскрикнул от неожиданности. Послышались тяжёлые, размашистые шаги. Верити, не помня себя от страха, бросилась к лестнице. Когда дверь распахнулась, озаряя коридор ярким светом, она уже успела преодолеть лестничный пролёт. Верити прижалась к стене и замерла, почти не дышала. Свет слепил, она щурилась, пытаясь разглядеть того, кто вышел.

Он был высоким — пожалуй, выше среднего. Широкие плечи, на которых как влитой сидел красный мундир, светлые волосы были стянуты на затылке кожаным ремешком и красное молодое лицо. Он огляделся, но после ярко освещенной гостиной у него не было шанса разглядеть Верити в сумерках, царивших на втором этаже.

— Похоже, у вас завелось приведение, — на его красивом лице появилась широкая добродушная улыбка. Он повернулся обратно в сторону гостиной, всего на миг задержав взгляд на том месте, где стояла Верити. Она не поняла — он действительно не разглядел её в темноте или просто не подал вида.

— Не закрывайте дверь, мистер Ансуорт, — раздался из гостиной голос младшей сестры. — А что касается привидения — это, скорее всего, моя дикая сестрица.

У младшей сестры обычно был голос высокий и капризный, но сегодня звенел как весенний говорливый ручеек. Она хотела понравиться молодому красивому мужчине, и это было слышно в каждом слове. «Дикая сестрица? — Верити закусила губу от обиды. Внутри всё кипело от возмущения. — Что она о себе возомнила!»

У Верити и её сестры Мэри были сложные отношения. Сестринской любви в них не было, а в последнее время сквозила неприкрытая вражда — и всё, опять же, из-за замужества. Старшей сестре полагалось выйти замуж первой, но «дикарка», как звала её Мэри, замуж не спешила. Казалось, Верити презирала сам факт брака. И всё это в двадцать пять лет, когда некоторые соседи за глаза называли её старой девой!

К тому же по завещанию отца приданное Верити было куда больше: её мужу достался бы дом в придачу с миссис Джонс и почти все земли. Мужу Мэри же оставалась лишь небольшая ферма на окраине владений семейства Джонсов.

Младшая сестра, просиживавшая дни за французскими романами и рукоделием, грезила замужеством. Ей не терпелось познать радости брака и стать хозяйкой в собственном доме. Но пока Верити оставалась незамужней, матушка позволила бы лишь принимать ухаживания. Откровенно говоря, желающих взять Мэри в жёны пока не находилось.

Не желая больше подслушивать, Верити на цыпочках поспешила в свою спальню. В комнате было холодно и темно — камин не разжигали. Скинув мокрую одежду на пол, она завернулась в тяжёлый шёлковый халат, расшитый узором в виде странных птиц. Когда-то он принадлежал отцу — и до сих пор хранил его запах, от которого у Верити щемило сердце. После смерти отца Верити стала носить его сама.

— Ну хоть дрова оставили, — сказала она вслух.

Верити попыталась разжечь огонь в маленьком камине, обрамленном резным мрамором. Руки дрожали от холода, огниво несколько раз падало в золу. Она сделала еще пару попыток, и огонек заплясал по сухим щепкам, перекинулся на полено и разгорелся как следует.

Поворачиваясь то спиной, то лицом к огню, она постепенно согрелась: дрожь отступила, зубы перестали стучать, от влажных волос шел пар, и по коже разлилось приятное тепло. Закинув щипцами несколько углей в грелку, Верити нагрела постель и блаженно вытянула ноги под тяжёлым шерстяным одеялом.

В камине уютно потрескивали дрова. Где-то внизу всё ещё звучали голоса. Слов было не разобрать. Сон накрыл её почти мгновенно, и она проспала до самого утра.

Спустившись к завтраку, Верити выдохнула — гостя за столом не было. «Хорошо бы его не было и в доме. Может, он покинул нас с первыми петухами?» — пронеслось у неё в голове.

— Доброе утро, — как можно дружелюбнее поприветствовала она мать и сестру.

Верити села на своё любимое место напротив окна.

— Доброе утро, дорогая. Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь? — участливо поинтересовалась миссис Джонс. — Вчера ты вымокла до нитки.

Тон матери был слишком вежливым. Кусок хлеба встал поперёк горла и никак не хотел опускаться ниже. Верити прокашлялась. За долгие годы она точно знала: если с утра, да ещё после её вчерашней выходки, с ней так разговаривают — кара будет жесточайшая.

Мэри, кстати, была явно не в духе и даже не удостоила сестру взглядом. А это странно: её очень радовало, когда с утра ворчали не на неё.

— Думаю, что да, мама, — Верити попыталась запить застрявший кусочек чаем, но это не слишком помогало.

— Вот и хорошо. Как ты заметила, вчера у нас был гость.

Миссис Джонс метнула в сторону старшей дочери колючий взгляд, давая понять, что пощады не будет.

— Ему придётся задержаться на несколько дней, — не удержавшись, вмешалась Мэри.

— Мистер Ансуорт путешествует в Гэмпшир, навестить свою семью, — продолжила миссис Джонс. — Его лошадь захромала, и он набрел на наш дом. Пришлось вызвать этого... конюха. Как там его...

Если разговор заходил о Сэме, у миссис Джонс начинал дёргаться глаз. Голос её становился крайне раздражённым. Сэма она не выносила, но в округе он был единственным, кто разбирался в лошадях.

— Впрочем, неважно. Сегодня конюх посмотрит лошадь, — миссис Джонс сделала паузу, словно раздумывала. — Поручаю тебе развлекать мистера Ансуорта прогулками и непринуждёнными беседами.

Она строго взглянула на старшую дочь. Внутри у Верити всё похолодело: она уже поняла, к чему идёт.

— Мне кажется, у Мэри это получится лучше, — Верити прятала взгляд за чашкой с чаем.

— Я прошу тебя, а не Мэри, и на этом всё! После завтрака потрудись привести себя в порядок и не забывай про манеры.

Разговор был окончен. Верити потеряла всякий аппетит, немного поковырялась в овсянке, вежливо попрощалась и поднялась к себе в спальню. «Мистер Ансуорт», — повторила она про себя, закрывая дверь. Верити точно знала, чего добивается мать и была решительно настроена расстроить её планы. Любой ценой.

— Привести себя в порядок... — передразнила Верити мать. Из груди вырвался тяжёлый стон. Она смотрела на себя в большое зеркало. Волосы спутались, лицо покраснелось от злости, голубые глаза умоляюще вопрошали: за что ей это?

Верити тщательно умылась, расчесала длинные тяжёлые пряди и перехватила их серой хлопковой лентой. Выбрала самое старое шерстяное платье — его уже не раз чинили, и оно

подходило разве что для работы в саду. Вид самый простой и непривлекательный. Леди в ней выдавали только осанка да уверенный взгляд.

Верити была собой довольна. Чего нельзя было сказать о её матушке, когда через час она спустилась в холл.

— Это моя старшая дочь, мисс Верити, — казалось, миссис Джонс испепелит её взглядом. — Милая, вверяю тебе заботы о нашем дорогом госте капитане Поле Ансуорте.

Верити слегка присела для приветствия и улыбнулась своей самой вежливой улыбкой. Она очень старалась.

— Рада с вами познакомиться, капитан.

— Взаимно, — он слегка склонил голову.

Его взгляд скользнул по её платью, по серой ленте в волосах — и задержался на глазах. Он не улыбнулся, но в уголках его губ мелькнуло что-то вроде понимания. Или насмешки. Верити не разобрала.

Переводя взгляд от Верити к Мэри, капитан подметил, насколько различались между собой сёстры. Мэри была миниатюрной, не лишённой изящества и плавности движений, с острыми чертами лица. В её бледно-голубых глазах то и дело вспыхивала ехидная искорка. «Очень похожа на мать», — заключил про себя капитан.

Верити же была намного выше сестры. Оттенок её глаз был глубже, взгляд — открытый и прямой. Лицо с более мягкими чертами, пухлые губы, красивые тёмно-каштановые волосы и белая кожа с легким, очаровательным румянцем.

— Приглашаю вас прогуляться по окрестностям, — сказала Верити, не удостоив капитана даже взглядом, и выскользнула на улицу так быстро, что создала маленький вихрь.

Капитан Ансуорт смущённо прочистил горло, поклонился с вежливой, чуть заметной улыбкой и вышел следом.

Свежий весенний воздух приятно пах первыми бутонами роз и влажной землей. Легкий ветерок принёс и запах конюшни; впрочем, Верити этот запах не казался противным. Она подставила лицо яркому солнцу. «Сегодня дивный денёк, если бы ещё не нужно было тратить время на этого капитана», — вздыхая, подумала она.

— Какой у нас план? — послышался низкий бархатистый голос за спиной. Так близко, что Верити едва заметно вздрогнула. Она не слышала, как он подошёл. Она не обернулась.

— Сегодня хорошая погода, прогуляемся до ручья, — её голос звучал сухо, словно она инструктировала слугу.

Верити быстрым шагом направилась по отсыпанной подъездной дорожке, не дожидаясь спутника. Но бегство было бессмысленным: несколько размашистых шагов капитана — и они поравнялись. Воцарилось неловкое молчание. Верити говорить было не о чем, да и совсем не хотелось.

— Вас не было вчера за ужином, — вопрос или утверждение прервало затянувшееся молчание.

— Эм... да, мне не здоровилось, — быстро проговорила Верити первое, что пришло в голову.

Она смотрела себе под ноги: мелкие камушки сменились густой жесткой травой.

— Рад, что сегодня вы чувствуете себя хорошо.

— Спасибо, — бросила она, не оставив зацепки для продолжения беседы.

Капитан понял, что девушка тяготится его компанией, поэтому заговорить больше не пытался. Он лишь послушно следовал за своей спутницей.

Верити мысленно перебирала все ругательства, какие только знала. Она злилась на мать, на капитана и даже на траву, которая ещё не успела подсохнуть и намочила подол. Как чудесно

было бы спрятаться где-нибудь с книжкой и до обеда носу не показывать. Или отправиться на прогулку верхом.

Они шли быстро и молча, пока не достигли ручья. Верити резко остановилась, когда еле заметная тропка вынырнула у каменистого берега. Капитан, не успев затормозить, всем телом врезался в неё сзади. Она пошатнулась и почти упала, но сильная рука ухватила её за плечо и удержала.

— О! Прошу простить меня! — выпалил капитан. — Вот неловкий дурак, я чуть вас не уронил!

Он смотрел на неё сверху вниз и всё ещё придерживал за плечо.

— Забудем, — сказала Верити, высвобождаясь.

Столкновение мгновенно разогнало злость и вернуло её на землю. Она раскраснелась и отступила на шаг.

— Мы пришли, — Верити повернулась и посмотрела на блестящую полоску воды, обрамленную камышом и молодыми ивами.

— Я, признаться, не встречал леди, которые способны передвигаться с такой скоростью! — с восхищением заметил капитан. — Едва поспел за вами и, откровенно говоря, запыхался. Словно маршем прошёл.

Капитан улыбнулся и глубоко выдохнул. Его лоб и правда поблескивал от пота; он снял шляпу и утёр его платком. Он посмотрел на Верити с явным, неподдельным интересом. Так смотрят на загадку, которую хочется разгадать.

— Можете отдохнуть, — Верити присела на траву и указала на место рядом с собой.

— Я понял, что развлекать меня не входило в ваши планы, — он немного помедлил, будто раздумывая. — Но всё же рад, что это вы.

Бровь Верити взлетела вверх, и она вопросительно посмотрела на своего спутника.

— Я имею в виду что понимаю вас: будь это ваша сестра... — Он замолк, очевидно, пытался подобрать слова. Не договорил, но Верити и так поняла: Мэри успела ему надоест ещё вчера.

— Слава богу! — Верити с облегчением выдохнула. Теперь уже её спутник вопросительно смотрел на неё. — Прошу прощения. Просто я не думала, что мужчина может понять, как это тяжело, когда тебя постоянно пытаются выдать замуж!

Щёки Верити пылали, и общий вид у неё был как у человека, который сбросил непомерный груз со своих плеч. Капитан смущённо отвёл взгляд: до него только сейчас дошло, что он попал в ловко расставленные сети миссис Джонс.

— К сожалению, я вас прекрасно понимаю.

Щёки Пола Ансуорта тоже залились краской. И они вместе рассмеялись — непринуждённо, почти по-приятельски.

— Вы не хотите замуж?

Вопрос застал Верити врасплох, и она снова напряглась.

— А с какой целью вы интересуетесь? — Верити подозрительно смотрела на капитана.

— Не подумайте дурного, — он примиряюще выставил ладонь перед собой. — Просто... эм... молодые девушки, которых я знаю, мечтают о замужестве.

— О... Много же вы знаете девушек? — бровь Верити вопросительно выгнулась.

— Достаточно. У меня две сестры и четыре кузины, — капитан весело улыбнулся.

Верити поймала себя на мысли, что у него совершенно очаровательная улыбка — и тут же одёрнула себя: ещё чего не хватало!

— Похоже, вы имеете представление, о чём говорите. Что до меня, я просто не смотрю на каждого мужчину как на потенциального мужа.

— Пожалуй, это разумный подход, — согласился капитан.

Они замолчали. Но теперь это было иное молчание — не враждебное и не неловкое, а задумчивое. Как будто каждый переваривал услышанное и не знал, с чего начать снова.

— Вы часто здесь бываете? — переводя разговор в более безопасное русло, поинтересовался капитан.

— Иногда прихожу сюда, но не так часто, как хотелось бы.

Верити сменила гнев на милость — убедившись, что её не собираются тащить к алтарю. Но разговор по-прежнему не клеился.

— Когда я был мальчишкой, любил порыбачить, — сказал капитан. — Вставал затемно и шёл куда глаза глядят. А возвращался поздней ночью.

Он улыбался, крутя между пальцев травинку. Это были явно счастливые воспоминания.

«С двумя сёстрами — неудивительно», — подумала Верити, но вслух говорить не стала.

— Я никогда не рыбачила.

— Наверное, вам не нравится такое? — он весело посмотрел на неё.

— «Такие занятия не для юных леди, мисс Джонс, вас ждёт учитель музыки!» — Верити пыталась спародировать строгий тон матери. Получилось не очень похоже.

— Понимаю. Учитель музыки в своё время и меня изрядно помучил, но без толку, — он указал на своё ухо. — Говорят, медведь наступил.

Верити улыбнулась. То же самое про неё говорила Мэри, хотя сама она с таким утверждением была не согласна.

Неловкость между ними ушла, и на её месте появилось что-то тёплое и почти дружеское.

— Я, пожалуй, мог бы смастерить вам удочку, если хотите?

— Признаюсь вам, я ненавижу червяков. О том, чтобы притронуться к ним, не может быть и речи. — Верити сморщила нос.

— Боюсь, это может стать непреодолимым препятствием на пути к рыбалке, — шутливо рассудил капитан.

Он расслабился и опёрся на руку, вытянутую назад, случайно задев при этом ладонь Верити. Она быстро отдёрнула руку, но ей показалось, что капитан не заметил этого случайного прикосновения.

Они сидели молча. Через некоторое время, убедившись, что капитан погружён в свои мысли, Верити украдкой принялась его разглядывать. Теперь он не представлял для неё опасности, и любопытство взяло верх.

Вчера ей не показалось: лицо с резкими скулами и широким подбородком действительно можно было назвать красивым. Яркие голубые глаза, широкие брови, светлые густые волосы, кажется, немного вились.

Вдруг он повернул голову — их глаза встретились. Верити уже сбилась со счёта, в который раз сегодня краснела. Она отвела взгляд, ругая себя за безрассудство. «Что я делаю? Надо же было пялиться на него, как дура!» — пронеслось в голове.

— Кажется, обед скоро. Не пора ли нам вернуться? — произнес капитан, хотя до обеда было ещё часа два.

Он поднялся на ноги и отряхнул брюки, словно на них и правда были травинки.

— Да, пора возвращаться, — согласилась Верити.

Обратная дорога была куда приятнее. Несмотря на то, что они едва не упали в ручей, а потом случайно коснулись друг друга, между ними не было и следа прежнего напряжения. Они не спешили, шли рядом и иногда перебрасывались незначительными фразами — о погоде, о цветах у крыльца, о том, как быстро бежит вода в ручье после дождя.

Солнце поднялось выше, и тени стали короче. Из-за поворота уже показалась белая каменная ограда их дома.

Глава 2

Сэм стоял у конюшни, прислонившись спиной к воротам. Он внимательно разглядывал вернувшихся с прогулки. Особенно — незнакомого мужчину. Он только что закончил осматривать его лошадь, но уходить не спешил. Сэм слишком тщательно вытирал руки после работы, хотя ладони уже покраснелись, а кожу начало пощипывать. Он нервно отшвырнул тряпку и сложил руки на груди. Незнакомец выглядел непозволительно счастливым в компании его Верити. «Что это за чёрт и где они были?» — подумал он, внутри уже тлел нехороший уголёк.

— Это Сэм Уитмор, — пояснила Верити, улыбаясь и размахивая рукой своему другу. — Он отлично разбирается в лошадях. Пойдёмте узнаем, как обстоят дела.

Верити ускорила шаг, увлекая за собой капитана.

— Здравствуй! Познакомься, это наш гость, капитан Пол Ансуорт, — протараторила она. — Ты уже знаешь, что с лошадью?

Верити протянула руку, и Сэм нежно сжал её своей широкой мозолистой ладонью, ловко притянул девушку к себе, едва удержавшись, чтобы не поцеловать нежную белую кожу. Капитана он наградил лишь холодным, неприветливым взглядом.

— Сэмюэл Уитмор, к вашим услугам, — небрежно бросил он в сторону капитана, повинаясь строгому взгляду Верити.

Вблизи этот тип не нравился ему ещё больше. Самодовольное лицо, выправка, будто кол проглотил, и купленный офицерский патент. Сэм видел таких офицеров: без опыта и с огромным самомнением. И знал, к чему приводят необдуманные решения этих глупцов на поле боя.

— Знаю, конечно, — безразлично ответил он и предложил Верити взять его под руку.

«Только не начинай», — мысленно взмолилась Верити, но сделала вид, что не заметила вызова. Она повернулась к капитану и, смущённо улыбаясь, взглядом пригласила последовать за ними.

Пол заметил, что Верити вся сияла в компании этого тощего смуглого мужлана. Это кольнуло сильнее, чем он ожидал. С разочарованием Пол отметил, что, кажется, именно этого неотесанного деревенщину мисс Джонс рассматривала в качестве кандидата в мужа. «Да будь они даже помолвлены, такие вольности непозволительны», — думал он про себя. Ему было некомфортно в компании этого конюха, но становиться причиной скандала он не хотел. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, он последовал за ними.

Когда Пол вошёл, Верити сидела на тюке с сеном, румяная и довольная — возможно, от прогулки, но, скорее всего, бесстыдник всё же успел её поцеловать, уловив момент. Сэм похлопывал охромевшее животное по рыжей шее.

— Сэр, вам повезло с лошадью, — заключил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Странно, что захромала только одна нога. Её совершенно отвратительно подковали. Все четыре копыта.

Он указал на подковы, сваленные в старое ведро.

— Нужно всё зачистить и полечить, но это уже не сегодня. Так что предлагаю вам насладиться гостеприимством этого дома, — Сэм особенно неприятно выделил слово «насладится». — Завтра я вернусь с лекарством и инструментами. «И надеюсь, ты поскорее уберёшься отсюда», — добавил он про себя.

Сэм без стеснения разглядывал капитана, даже не стараясь скрыть свою неприязнь. В его чёрных глазах таилось что-то нехорошее, и у Пола пробежал холодок по спине. Чутьё подсказывало: этот человек опасен. Но пасовать перед таким противником Пол не собирался.

— Честно сказать, не разбираюсь в лошадях. Даже не понял, что не так, — нехотя признался он. — Благодарю за помощь.

Пол вёл себя непринуждённо, на его лице была вежливая улыбка. Он словно и не замечал напряжения, царившего в воздухе. Зато Верити хмурилась и неодобрительно поглядывала на Сэма.

— Оно и видно. Хотя странно для солдата ещё и офицера, — Сэм ухмыльнулся своими тонкими губами, оскалив зубы. Он снова взял Верити за руку, приблизился к её лицу вызывающе близко и что-то шепнул на ухо. Глаза его при этом хитро блеснули. Верити едва заметно кивнула, но продолжила строго смотреть. Сэм небрежным поклоном попрощался с чужаком и быстрым шагом покинул конюшню, насвистывая весёлую мелодию. Пол побагровел, но продолжал держать себя в руках.

— Грубоват, — заключил он, провожая взглядом быстро удаляющуюся фигуру.

— Что есть, то есть, — согласилась Верити. — Но его трудно в этом винить: здесь его недолюбливают.

Она тоже смотрела на Сэма. Строгость на её лице сменилась лёгкой, едва заметной улыбкой.

— Оно и видно, — проговорил Пол, передразнивая человека, который уже скрылся из вида.

Распрошавшись с капитаном, Верити занялась своими домашними делами. Сэм перед уходом шепнул ей, что будет ждать сегодня ночью на старом месте, и теперь эта встреча занимала все её мысли. Верити мечтательно напевала, работая в саду, и почти не участвовала в разговоре за ужином. Позже, сидя в гостиной за шитьём, она несколько раз уронила работу на пол, чем вызвала недовольство матери. Но та в присутствии гостя лишь немного пожурила свою дочь за неловкость.

Время тянулось мучительно медленно. Дом постепенно погружался в темноту, стихли разговоры и суета. Ожидая, пока все домашние разойдутся по своим комнатам, Верити уложила волосы в его любимую причёску, переделалась в самое красивое платье, которое позволило бы ехать верхом, и нанесла на шею и запястья немного розовой воды. Осталось дожидаться, когда последняя свеча погаснет и дом погрузится в сонную тишину.

Верити нетерпеливо расхаживала по комнате до тех пор, пока внизу не скрипнула тяжёлая дверь — это кухарка Молли, как всегда самая последняя, отправилась спать. Этот звук был сигналом к действию.

Верити ещё раз взглянула в зеркало, накинула плащ, взяла свои сапоги и на цыпочках вышла в коридор. Она знала каждую скрипучую половицу в этом доме и могла двигаться бесшумно, как кошка.

План был простой и не раз проверенный: кухня, огород, конюшня, задний двор — и она на свободе.

Верити приложила усилие, чтобы как можно тише открыть ворота конюшни. Она точно помнила, что правая створка протяжно скрипела. И с удивлением обнаружила, что ворота смазаны. Она улыбнулась, мысленно поблагодарив Сэма, но в тот же миг напряглась всем телом. За спиной послышались шаги и раздался знакомый низкий голос. Верити замерла, не смея обернуться.

— Стой, кто идёт! — громогласно, по-военному, прозвучало в тишине.

Верити сначала испытала облегчение — капитану-то какое дело? Затем напряглась: вдруг всё же придётся объяснять. А потом решила, что объяснять ничего не обязана.

Она развернулась лицом к капитану и набрала побольше воздуха в грудь. «Лучшая защита — это нападение», — подумала она.

— Что вы тут делаете? — выпалила Верити. — И вам тут не казарма, чтобы так рыкать!

Хорошо, что темнота стояла непроглядная, иначе он заметил бы, как она вся трясётся от волнения.

— Мисс Джонс, это вы? — лица капитана не было видно, но по голосу она поняла, что он смутился.

— Конечно я! Кто же ещё! Что вы тут делаете в такой час?!

— Мне... не спалось... И... я подумал, что увидел вора, — он всё ещё был растерян.

— Ну, спешу обрадовать: это всего лишь я. Можете быть спокойны и идите уже спать — ночь на дворе!

Верити старалась, чтобы голос звучал строго, но он предательски дрожал. Её застучали за ночным побегом — не хватало ещё, чтобы про это узнала матушка.

— Да, конечно, — теперь голос капитана обрёл иную уверенность. Он точно не впечатлился её тоном и что-то начал подозревать. — Но что вы тут делаете?

— Вас это не касается!

Верити казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

— Возможно, и так. Но вы уверены в своих действиях, мисс Джонс? Этот конюх похож на очень ненадёжного человека.

Слова про «ненадёжного человека» обожгли её. Она знала, что Сэм мог быть грубым, заносчивым, невоспитанным. Но вот в его надёжности она никогда не сомневалась.

Пол сделал шаг навстречу. В темноте его не было видно — только огромное тёмное пятно нависло над ней. В тишине она слышала его ровное дыхание.

Было понятно, что план провалился. Капитан не ступал и отступить был не намерен. Пускаться в объяснения Верити тоже не собиралась.

— Я вполне уверена в своих действиях, — прошипела Верити. — И вы не имеете никакого права говорить так о Сэме. Вы здесь чужак, и советую вам не лезть не в своё дело. И он не конюх!

Она исчезла в темноте конюшни, ещё более непроглядной, чем снаружи. «Какой наглец!»

Пол остался стоять на месте, ожидая, что же произойдёт дальше. Сначала он подумал, что ему послышалось, но в последний момент успел увернуться: из конюшни, фыркая, выскочила лошадь.

— С дороги! — только и услышал он раздраженный голос.

Лошадь свернула куда-то в темноту и исчезла.

Сердце Верити бешено стучало, ей было стыдно за свой тон. «Он сам виноват! Зачем приставать с такими расспросами?» — негодовала про себя Верити.

Лошадь уверенно шла знакомой дорогой, и скоро Верити увидела вдалеке слабый отблеск костра.

— Сэм! — выдохнула она, выскользнув из седла в его объятия. — Это было ужасно!

Верити эмоционально рассказала ему обо всём, что произошло, упустив лишь то, что капитан назвал его «конюхом» и «ненадёжным».

— Не думаю, что тебе есть о чём беспокоиться, — спокойно заключил он, выслушав сбивчивый рассказ. — А если этот капитан и проболтается, я скажу твоей матери, что обеспечил тебя, и возьму в жены... — он задумался. — Или просто украду тебя и буду прятать, пока твой беременный живот не станет огромным. Тогда она точно даст добро на брак.

— Ты варвар! — Верити отвесила ему звонкий шлепок по плечу. Сэм притворно отшатнулся. — Про тебя говорят, что твоя мать была цыганкой, а отец — ирландцем. И те, и те — вероломные дикари.

— Осторожно, девица! — Сэм попытался изобразить обиду, но лукавая улыбка его выдавала. — Ты и сама не лучше! Бегаешь ночами встречаться с тёмными личностями сомнительного происхождения.

— Тут ты прав. Возможно, нужно было остаться сегодня дома, и в прошлый раз, и все разы до этого... — Верити хитро улыбалась.

— Ну уж нет, — проговорил Сэм, увлекая её на расстеленный плед.

Костёр потрескивал, бросая на их лица причудливые тени. Ночной воздух пах дымом и чуть сырой землёй. Здесь, в этом маленьком круге света, весь остальной мир переставал существовать.

Сэм накрыл её губы нежным поцелуем, и Верити забыла обо всём — о капитане, о матери, о страхе и стыде. Остался только он. И этот миг.

Оставшись в темноте и одиночестве, Пол думал, что же делать дальше. Можно было проследить и убедиться, что с этой сумасбродной девчонкой всё в порядке. С другой стороны, похоже, она знала, что делала. Да и где теперь её искать?

Немного подумав, он направился в сторону дома. Но уже на пороге развернулся и пошёл прочь.

Взошла луна и осветила долину серым, призрачным светом. Молодая весенняя трава поблёскивала каплями дождя. Холодный ночной воздух было приятно вдыхать, и ноги сами несли его неведомо куда. Пол шагал по дороге с чувством, что вмешивается в дела, которые его не касаются. Он пытался убедить себя, что беспокоится за мисс Верити, но понимал, что врёт сам себе. Ему было любопытно.

«Не под открытым же небом они проводят эту холодную весеннюю ночь?»

Пол пнул ветку, упавшую прямо на дорогу, и огляделся. Он заметил отблески костра вдалеке и пошёл на свет. Подобравшись достаточно близко, он притаился в зарослях густого кустарника.

На фоне ярких языков пламени сидели две тёмные фигуры. Она положила голову ему на плечо, а его рука нежно перебирала пряди её волос. Пол не хотел себе признаваться, но, похоже, с Верити всё было в полном порядке. Если, конечно, не считать того, насколько это всё неприлично. Порыв ветра донёс до него тихие голоса, и он испытал острое чувство стыда. Он по собственной воле стал свидетелем сцены, не предназначенной для чужих глаз. «Неподобающее поведение», — корил он себя на обратном пути.

Сэм провёл тыльной стороной ладони по её щеке. Верити нахмурилась и нехотя открыла глаза.

— Что происходит?

— Тебе пора домой, — он поцеловал её в лоб, откинув непослушную прядь.

— Уже? Который час? — Верити села, потирая сонные глаза.

От костра остались только тлеющие угли, которые больше не давали тепла. Верити почувствовала, как замёрзли ноги, а одежда стала влажной от росы. Лёгкая дрожь пробежала по телу. Сэм снял куртку и накинул ей на плечи. Стало теплее; она уткнулась лбом в его плечо и прикрыла глаза. Очень хотелось спать.

— Скоро рассвет, — он указал на светлеющую полоску неба.

Верити тяжело вздохнула и потянулась. После сна на земле ныло всё тело.

Они долго прощались на развилке. Верити прижалась к его груди, оттягивая момент расставания. Она считала удары его сердца, вдыхала знакомый запах, куталась в его тепло.

— Пора, милая, — он отстранился, нежно сжал её холодную ладонь и поцеловал костяшки пальцев.

— Пора, — обречённо повторила Верити.

Сэм лихо вскочил в седло, поднял лошадь на дыбы и умчался прочь. Верити смотрела ему вслед, но силуэт всадника быстро исчез в предрассветных сумерках.

Домой она вернулась тем же путём: через конюшню в огород, оттуда на кухню и к себе в постель. На этот раз назойливого капитана она не встретила. Верити упала без сил прямо в одежду и крепко уснула, но совсем ненадолго. В дверь настойчиво стучали.

— Просыпайся! Сколько я должна тарабанить в эту дверь!

Мэри была настойчива, а её визгливый голосок мог поднять любого.

— Я уже проснулась! Спасибо, Мэри.

Это было не совсем правдой: один глаз отказывался открываться.

— Поторопись, завтрак уже на столе!

Верити услышала, как удаляются шаги сестры, и огромным усилием воли поднялась. Нужно было быстро привести себя в порядок и не вызвать подозрений.

Спустившись, Верити увидела, что все уже собрались за столом. Мэри сидела с недовольным лицом, уставившись в свою тарелку. Миссис Джонс невозмутимо пила чай. Капитан встал, приветствуя Верити.

— Наконец-то! — воскликнула мать. — Я переживала, что ты заболела. Вид у тебя усталый. Всё хорошо?

— Я хорошо себя чувствую, мама, просто плохо спала, — Верити едва сдержала зевок.

— Понятно, — протянула миссис Джонс, недоверчиво разглядывая дочь.

Верити посмотрела на капитана, пытаясь понять по его виду, рассказал он или нет. Пол был невозмутим и занят своим завтраком, методично намазывая масло на тост. «У мужчин по утрам отличный аппетит, — язвительно подумала Верити. — Хотя, наверное, как и в любое другое время дня».

— Сэм сказал, что придёт сегодня, чтобы закончить с лошадьёю, — неуверенно начала Верити. Если разговор, не дай бог, касался Сэма, реакция миссис Джонс была непредсказуемой. Но предупредить её стоило.

— Какой Сэм? — миссис Джонс очень неубедительно пыталась сделать вид, что не понимает, о ком идёт речь.

— Это наш наглый сосед, который ведёт себя будто он лорд, — подыгрывая матери, ехидно произнесла Мэри.

— Ах этот... — миссис Джонс снисходительно кивнула в сторону капитана. — Ну чего не сделаешь ради дорогого гостя.

Не совсем осознав щекотливость момента, Пол невозмутимо промокнул губы салфеткой и решил поддержать беседу.

— Вчера мисс Верити сказала, что его здесь не очень рады видеть...

— Это вам мисс Верити сказала? — перебив капитана, прыснула Мэри. Волосы на затылке Верити встали дыбом от злости. «Он настолько глуп? Или это месть за вчерашнее?» — вихрем пронеслось у неё в голове. Она смотрела на капитана в упор, но он нисколько не смутился и сидел с непроницаемым лицом.

— Мэри, невежливо перебивать. Капитан совсем недавно в наших краях, — всем своим видом миссис Джонс выражала недовольство, но голос её звучал спокойно. — А впрочем, это всего лишь старые распри соседей. Не берите в голову, мистер Ансуорт.

Миссис Джонс направила убийственный взгляд в сторону младшей дочери, а затем — короткий, но красноречивый взгляд на Верити. «Поговорим позже», — говорил он.

Остаток завтрака Верити сверлила капитана недовольным взглядом, надеясь, что он подавится и, если повезёт, задохнётся. Пол прекрасно видел её негодование, но лишь улыбнулся и закончил свой завтрак без всяких происшествий.

После бессонной ночи голова у Верити гудела и казалась непомерно тяжёлой. Она решила прилечь, положив на лицо влажное холодное полотенце. Облегчение было кратким — боль

вернулась. Тогда Верити принялась расхаживать по комнате, натирая виски, но и это не помогло. Выглянув в окно, она увидела, что погода чудесно располагает к прогулке.

В округе она знала много укромных уголков — мест, где любила проводить время в одиночестве за книгой или с Сэмом, болтая обо всём на свете. Одна из тропок вела к старому вязу. Он гордо возвышался вдали от других деревьев, его ветви широко раскинулись над землёй образуя просторный зелёный шатёр. Трава под ним почти не росла из-за плотного ковра прошлогодних листьев.

Верити осторожно прислонилась к толстому, шершавому стволу. Как будто старый вяз забирал её боль, взамен даря покой. Она почти физически чувствовала, как напряжение уходит из висков. Шум листвы, запах прогретой солнцем земли, монотонное жужжание насекомых — всё это успокаивало. Казалось, она могла бы простоять здесь до самого вечера. Но её внимание привлекли голоса. Кто-то очень громко спорил. Верити присела, чтобы не выдать своего присутствия. Вяз стоял недалеко от широкой дороги, по которой часто ходили и ездили местные крестьяне. Но это были не они.

Сэм ехал на своём длинноногом жеребце Эше, которым очень гордился. В прошлом году он выиграл его в карты на ярмарке у незадачливого джентльмена. Верити он до последнего клялся, что купил коня, но она знала: таких денег у Сэма никогда не было — а вот удача в азартных играх благоволила ему регулярно.

Верити не любила, когда Сэм играл в карты: это казалось ей опасным. Или точнее — компании, в которых он это делал. Ещё и досужие кумушки любили распускать всякие нелестные сплетни о нём.

Верити замерла, не в силах оторвать взгляд. Он был в одной лишь рубашке и узких брюках, обтягивающих сильные ноги. Сэм сидел в седле так легко, будто родился на лошади — его тело двигалось в унисон с каждым шагом Эша, а непослушные выющиеся волосы раздувал весенний ветерок.

Рядом с Сэмом, создавая яркий контраст, на муле ехал его старик-отец — скрюченный от ревматизма, седой и лохматый Артур. Он был кузнецом и неплохо разбирался в лошадях; собственно, он и научил всему Сэма. Когда-то Артур был арендатором у мистера Джонса, но после того, как Сэм сам стал землевладельцем и построил дом, перебрался к нему.

Артур не был родным отцом Сэма. Однажды, а если точнее, двадцать восемь лет назад, дождливой октябрьской ночью он услышал жуткий стук в дверь. Когда решился открыть, на пороге стояла корзина с младенцем. Это и был Сэм. Так он ей рассказывал.

— Нашёл бы себе девицу попроще. Вот Салли, например! Смышлёная девка: и масло собьёт, и кролика освежает, — старый Артур смачно сплюнул. — И на поле, и в доме будет толк. Детишек нарожает.

— Я уже всё сказал по этому поводу, — недовольно пробурчал Сэм.

Он хмурился, и между бровями у него залегла морщинка. Видимо, старик донимал его этим разговором уже какое-то время.

— Проблем с этими леди-белоручками не оберёшься. Мать её — та ещё мегера. Не даст она вам жизни, — не унимался Артур.

— Старик! — голос Сэма звучал грозно, и вид у него был соответствующий. — Умолкни, прошу тебя.

— Ладно, ладно, — пробурчал Артур, недовольно ёрзая в седле. — Зря ты меня не слушаешь.

Последние слова он уже пробормотал себе под нос.

«Этот вредный старик тоже против», — подумала Верити и вздохнула. Это не было для неё открытием, но иногда казалось, что против них целый мир. Временами ей хотелось махнуть на всё рукой, выйти за респектабельного джентльмена и рыдать в подушку до конца дней.

Этот ненароком подслушанный разговор испортил день окончательно. Верити не хотела никого видеть и решила как можно дольше не покидать своё убежище. Она сидела на ковре из опавших листьев, обхватив колени руками и уперевшись в них лбом. Мысли без конца вертелись по кругу, словно назойливые мухи, отчего она утомилась ещё больше, а головная боль усилилась. Где-то вдалеке заливалась птица. Ветер всё так же шелестел листвой. Жизнь вокруг шла своим чередом. Только для Верити мир остановился.

На самом деле Верити давно знала, что есть лишь два пути. У неё просто не хватало смелости сделать выбор. Она могла отказаться от приданого, разорвать всякие отношения с семьёй и быть с любимым — в горе, и в радости, и по большей части — в бедности. Появляться в обществе (даже таком скудном, как здесь) ей бы больше не пришлось, что скорее радовало. Или же отказаться от Сэма, смиренно принять судьбу, сохранив репутацию и достаток. Верити было стыдно за свою трусость. Уже который месяц она не могла решиться и начать действовать.

— Я отдал тебе своё сердце и душу, мой дом станет твоим, и я обеспечу тебе достаток. Наши дети не будут нуждаться.

Языки пламени играли на лице Сэма. Казалось, его волосы шевелятся сами собой, а глаза горят двумя раскалёнными угольками — точно сам дьявол, искушающий невинную душу.

Он поднёс её холодную руку к губам и поцеловал. Сэм замер в ожидании ответа. Но Верити лишь отвела взгляд и стыдливо покраснела. Он поклялся быть ей верным, отдать всё, что имеет. Верити видела, как сильно он её хочет — не просто тело, а разделить с ней и радость, и горе этой жизни. Видела — и не могла ответить. Только уткнулась лицом в его плечо, и несколько слезинок скатились по щекам. Она слышала, как Сэм тяжело вздохнул, но так и не решилась поднять на него глаза.

— Прости, я не хотел давить, — тихо проговорил он. — Это нелегко, я всё понимаю и буду ждать.

Сэм гладил её по голове, утешая, хотя сам нуждался в утешении.

«Я мучаю его, но не могу от него отказаться. Не переживу», — думала Верити. И вдруг её осенило: она не просто не может отказаться. Она не хочет. Не хочет жить без его запаха, без его рук, без этой мучительной, сладкой тоски, которую он в ней вызывает. Всё остальное — дом, деньги, репутация — просто вещи. А он — живой.

Она впиалась ногтями в ладони, чтобы до конца не раскиснуть, и сделала глубокий вдох. Вяз одобрительно шумел над головой, и внутри будто развязался крепко стянутый узел. Решение было принято.

«Если повезет, встречу его на обратном пути или в конюшне», — подумала Верити. Она стяхнула с юбки листья и травинки и поспешила домой.

Верити возвращалась не тропой, а пошла по дороге чтобы не разойтись с Сэмом, если он уже закончил свои дела и направлялся домой. Она представляла его сияющую улыбку, когда всё расскажет, и как он подхватит её на руки и закружит. А потом — самое сложное. Сэм скажет... нет, она сама скажет матери, что уходит. И не будет с ней спорить, просто развернётся и уйдёт.

От страха живот свело судорогой. Верити остановилась. «Когда всё было так же просто, как в мечтах?» — подумала она. Верити испугалась, что они разминутся с Сэмом, а в следующий раз ей уже не хватит запала на такие безрассудные поступки. А может, он отреагирует сдержанно и холодно на её решение? Скажет, что слишком долго она раздумывала? Или Верити под пристальным взглядом своей матери утратит решимость и не сможет вымолвить ни слова. Она вспомнила, как хмурился Сэм, защищая их перед отцом. Его голос — грозный, непреклонный. «Он хотя бы выбрал, — подумала Верити с горечью. — В отличие от меня». И это придало ей сил.

День был невероятно тёплым для ранней весны, солнце припекало. Рядом с ней вспорхнула маленькая птичка и, недовольно щебеча, полетела прочь. Верити проследила за ней взглядом и заметила кое-что странное. Яркое солнце слепило глаза, и она приложила ладонь ко лбу, словно козырёк.

По поляне метались две тёмные фигуры. Она не поверила своим глазам, когда увидела знакомую чёрную копну волос и не менее знакомый красный мундир. Приподняв юбки, Верити пустилась бежать что было сил. Она споткнулась о кочку, упала на колено, сильно ударилась, но тут же вскочила. Лоб взмок, волосы лезли в глаза, а сердце, казалось, выпрыгнет из груди.

Перед ней предстала живописная картина: взмокшие, покрытые пылью мужчины стояли друг напротив друга, и от их взглядов веяло угрозой. Сэм был почти на голову ниже и куда тоньше капитана, но его это не смущало. Волосы топорщились во все стороны, на лице была наглая ухмылка — хотя правый глаз уже начинал заплывать, а из уголка губ сочилась кровь.

Они снова шагнули друг к другу. Кулак Сэма врезался в живот Пола с глухим, мерзким звуком. Пол выдохнул — хрипло, как загнанная лошадь. Верити вскрикнула, не в силах сдержаться. Пол увидел её, замешкался и пропустил ещё один удар. Он согнулся пополам, сплюнул и наверняка получил бы коленом в лицо, но Сэм не успел замахнуться. Верити, как дикая кошка, вцепилась ему в плечи и рванула назад.

Пол выпрямился, держась за живот, и с изумлением уставился на то, как миниатюрная мисс Джонс повисает на плечах здорового мужика. Он даже забыл о боли.

— Какого чёрта! — недовольно закричал Сэм.

Он повернулся и занёс кулак над её головой.

— Верити... — рука его тут же опустилась, пыл драки на миг угас, он побледнел, а взгляд прояснился. — Отойди, женщина. Я с ним закончу, — мрачно произнёс он.

Сэм аккуратно подтолкнул её за плечо, выпроваживая за невидимые границы арены. Верити, поражённая происходящим, даже не пыталась сопротивляться. Она ещё никогда не видела Сэма таким.

Убедившись, что она на безопасном расстоянии, Сэм снова обратил внимание на противника. Он смотрел на капитана кровожадным взглядом, разум его вновь заволокло пеленой гнева.

— Сэм, если ты ударишь его, я больше никогда не заговорю с тобой! Ты меня больше не увидишь! — наконец выпалила Верити.

Она была в ужасе. Раньше ей не приходилось видеть, как кто-то дерётся. Было гадко, страшно и хотелось убежать. А еще она злилась.

— Я правильно услышал? — Сэм медленно повернулся к ней.

Чёрные глаза смотрели недобро, ему явно не нравилось, что Верити вмешивается, да еще с такими заявлениями.

— Да!

Она стояла вся бледная и не знала, что будет дальше; её руки сжались в кулаки.

— Чёрт бы тебя побрал, женщина!

Сэм был так близко, что Верити ощущала его горячее дыхание на своей коже. В нос бил запах пота и крови. Она смотрела в упор, пытаясь доказать, что не боится его, хотя колени дрожали.

Сэм крепко обхватил её за талию и, невзирая на протест, впился в её губы — нагло и требовательно. Верити почувствовала вкус крови, и ей стало дурно.

Пол, пошатываясь, двинулся на него. Он хотел отшвырнуть наглеца прочь — и пусть ему хватит сил удержаться от большего, — но не успел. Выпутавшись из крепких объятий, Верити отвесила Сэму звонкую пощёчину. Удар был такой силы, что даже на его загорелой коже остался красный след от ладони. Он отстранился, потирая щеку.

— Вот, значит, как? — голос Сэма звучал удивительно спокойно. — Хорошо. Даю тебе слово, милая, что не трону это ничтожество!

Он тряхнул копной своих чёрных волос и, пошатываясь, пошел прочь.

— Чёртов дикарь! — крикнула Верити ему вслед, но Сэм ничего не ответил, даже головы не повернул.

Верити ощутила новый приступ головной боли. Она усердно тёрла виски и всё ещё пыталась переварить увиденное.

— Мисс Джонс, с вами всё в порядке? Давайте вернёмся в дом. Мисс?

Не получив ответа, Пол осторожно дотронулся до её плеча. Верити вздрогнула и посмотрела на капитана. Вид у него был удручающий: из носа сочилась кровь, бровь рассечена, волосы стали серыми от пыли, ворот рубашки был разорван, не говоря уже о целой россыпи ссадин.

— Возьмите.

Верити протянула свой белоснежный батистовый платок с вышитыми фиалками.

— О нет, он слишком хорош для такого, — улыбнулся Пол и вытер кровь рукавом.

— Что с вами всеми такое! — негодовала Верити. — Из-за чего можно так себя вести?

Под её строгим взглядом Пол чувствовал себя нашкодившим мальчишкой.

— Это моя вина, — он пригладил растрёпанные волосы и подобрал с земли растоптанную шляпу. — Мы обсуждали лошадь, а я имел глупость неаккуратно заметить, что подстрекать молодых леди к ночным прогулкам недостойно. И если быть до конца откровенным, поведение вашего... эм... ухажёра неприемлемо. Вы приличная девушка, и этот человек явно хочет воспользоваться вашей неопытностью!

— Что? — брови Верити взлетели вверх. — Это совершенно не ваше дело! Вы находитесь здесь всего несколько дней, вы ничего не знаете!

Она не кричала, а скорее хрипела: в горле пересохло так, что голос пропал.

— Я и правда влез совсем не в своё дело, но мне не жаль. Такой мужчина, как он, никогда не сделает счастливой такую девушку, как вы.

Пол покраснел и отвернулся, пытаясь расправить шляпу.

— С чего все решили, что знают, как мне будет лучше! Особенно вы?

Она чувствительно ткнула его пальцем в спину. Пол молчал и не спешил повернуться к ней лицом. Теперь, когда кровь остыла, он понимал, что позволил себе опуститься до уровня этого наглого, несдержанного человека, и сомневался: стоило ли произносить то, что он только что сказал. Наконец, подобрав слова, он повернулся, чтобы ответить, но Верити уже ушла. Её тонкая фигурка быстро двигалась в сторону дома.

«Тогда у ручья он, выходит, соврал. А я поверила! Очередной заезжий женишок, охочий до молодой жены с приданым. Ох и глупая же ты, Верити Джонс!» — корила она себя. Глаза предательски щипало от слёз — ей срочно нужно было домой.

Верити пронеслась по коридору как маленький ураган, едва не сбив Мэри, которая уже открыла рот для едкого замечания по поводу внешнего вида сестры.

— Дикая! — поправляя платье, прокричала Мэри ей вслед.

Верити с силой захлопнула за собой дверь и тут же обмякла. Она медленно сползла на пол; её мутило, и голова продолжала мерзко ныть. Снизу донеслись взволнованные голоса, топот, суета. «Наверное, Мэри увидела капитана. Вот пусть и возиться с ним. Может, свадебку сыграют», — зло подумала Верити.

Позже в её дверь стучала сначала сестра, потом мать; они что-то хотели, но, не добившись ответа, уходили. Кажется, она слышала шаги капитана за дверью, но он не пытался с ней говорить. Верити сидела неподвижно, пока в комнате не стемнело. Ноги и спина затекли; она медленно встала и принялась ходить по комнате, чтобы размяться. Она переделась и спустилась в гостиную как раз к чаю. Вечно прятаться за дверью она не могла.

Матушка сидела на своём любимом месте у окна и читала. Мэри благоговейно смотрела на капитана, поочередно предлагая ему то чай, то пирожные, и не переставала повторять слова восхищения.

— Наконец нашёлся человек, который поставил этого мерзавца на место, правда, мама?
— Мэри в упор посмотрела на сестру.

— Да, милая, — совсем не обращая внимания на слова дочери, проговорила миссис Джонс; она не отрывалась от чтения.

Капитан встал, чтобы поприветствовать Верити. Она в ответ небрежно кивнула, не удостоив его взглядом, налила чашку чая и заняла своё место. Она чувствовала на себе его взгляд — тяжёлый, виноватый, умоляющий. Но не поднимала глаз.

Непринуждённой беседы не получалось. Пол сидел, вытянувшись как струна. Иногда он сжимал пальцы так, что костяшки белели, но лицо и голос его были спокойны. Он нехотя отвечал Мэри, не зная, как прекратить поток её болтовни, и лишь машинально кивал ей в ответ.

Миссис Джонс предпочитала не замечать покрытое ссадинами и синяками лицо гостя, поэтому книга казалась ей сегодня крайне увлекательной. Наконец даже Мэри умолкла, и в гостиной воцарилась гнетущая тишина. В другой раз Верити бы позабавила эта картина, но только не сегодня.

— Это был длинный день, — миссис Джонс громко захлопнула книгу. — Прошу меня извинить.

Она с достоинством королевы проплыла по комнате. Проходя мимо Верити, миссис Джонс легко дотронулась до её щеки; во взгляде матери была одновременно нежность и жалость. Такого Верити не ожидала. Матушка никогда не смотрела на неё так, разве что в детстве. «Как же я, наверное, ужасно выгляжу, если даже мать прониклась жалостью», — с горечью подумала она. Выждав немного, Верити тоже извинилась и покинула гостиную. Она уже взялась за дверную ручку, когда услышала, как Пол сделал шаг ей вслед. Верити замерла, но не обернулась. Он тоже молчал. Тогда она вышла и плотно притворила за собой дверь. Мэри решила, что это отличная возможность: нужно лишь быть достаточно обаятельной.

— Теперь... — начала она, — когда мы остались вдвоём, я бы хотела вам сказать...

Несмотря на всю свою выдержку и такт, Пол вскочил с места так резко, что Мэри вздрогнула.

— Прошу меня извинить!

Пол развернулся на каблуках и широкими шагами покинул гостиную. Ошарашенная Мэри ещё какое-то время сидела в гостиной, неприлично разинув рот.

Пол надеялся догнать Верити. Он должен был объясниться. Должен был хоть как-то исправить то, что натворил. Чувство вины неприятно ворочалось внутри. Удача ему улыбнулась: Верити остановилась в холле и замерла у окна, пытаясь что-то разглядеть в темноте.

— Мисс Джонс, — его голос прозвучал хрипло, почти умоляюще. — Прошу, выслушайте меня.

Она вздрогнула и испуганно отшатнулась от окна. Лицо её было бледным, растерянным.

— Капитан, я устала, — тихо произнесла Верити, даже не взглянув на него.

Она развернулась и направилась к лестнице.

— Верити!

Не помня себя, он схватил её за руку. Кожа под его пальцами была нежной и мертво-холодной.

— Что вы себе позволяете?! — голос её сорвался на крик. Она с силой вырвала руку, отступила на шаг, глядя на него как на чужака. Он им и был.

— Я лишь хотел извиниться! — выпалил Пол и тут же понял, что соврал.

Секунду назад, когда его пальцы сжали её запястье, он хотел сказать совсем другое. Что-то безумное. Неприемлемое. Но он струсил.

Верити не удостоила его ответом. Она просто развернулась и пошла к лестнице — медленно, словно у неё не было сил даже на бегство. Пол смотрел ей вслед, сжимая и разжимая кулаки. Он хотел окликнуть её снова, но не посмел.

Убедившись, что навязчивый капитан отстал, она осторожно закрыла дверь. В комнате было темно и очень холодно, окно было открыто нараспашку.

— Сегодня у всех мозги набекрень?! — произнесла она в темноту.

— У твоего дружка точно, — прозвучал в ответ тихий, насмешливый голос.

— Это ты про себя?

— Нет, про него, — разочарованно произнёс Сэм и зажёл свечу. — Я хотел застать тебя врасплох.

— Ты сошёл с ума, — сказала она шёпотом. — Если увидят...

— Никто не видел. — Он отряхнул плащ и оглядел комнату. Раньше ему не доводилось здесь бывать, и он с любопытством окинул взглядом каждый угол. — Я крался как вор. Или как любовник. Выбирай, что тебе больше нравится.

Верити не двигалась с места. Сэм упал на мягкие подушки, явно наслаждаясь моментом.

— Мне не нравится ничего. Уходи, — голос Верити звучал строго.

— Не уйду, — он поднялся и шагнул к ней. — Я сдержал обещание и больше его не трогал, а теперь ты меня прогоняешь, словно пса.

Он осторожно потрогал свой заплывший глаз.

— Всё кончено, Сэм. Я не могу связать свою жизнь с таким человеком, как ты.

— Хм.... С таким — это каким? С безродным или бедным?

Верити ожидала вспышку гнева, но Сэм был спокоен.

— Со вспыльчивым, драчливым и непредсказуемым. С человеком, окружение которого едва ли можно считать безопасным. Ты залез в окно вместо того, чтобы воспользоваться дверью!

— Ты просто злишься, — небрежно заметил он.

— Я устала, — её голос дрогнул. — Сэм, уходи. Пожалуйста. Всё кончено.

— Это ты так решила? — его глаза сверкнули, а голос стал ниже и опаснее. — Сама?

Сэм сделал ещё шаг и теперь стоял прямо перед ней. Она думала, что сейчас прогонит его — и всё будет кончено. Её ладони вспотели, Верити держалась из последних сил.

— Поговори с моей матерью, проси моей руки. Сделай всё как положено.

— Для чего? Дать им ещё один повод унижить меня и... — он сдержался и не закончил фразу. Плечи его сгорбились, из груди вырвался тяжёлый вздох. — Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

— Счастлива? — Верити посмотрела на него глазами, полными недоумения.

— Раньше тебя всё устраивало, пока не появился он.

Он брезгливо мотнул головой в сторону двери.

— Причём тут капитан Ансуорт? Ты невыносим! И меня никогда не устраивали наши тайные встречи, или ты совсем слепой? Сделай как полагается — и я буду твоей, или не буду, это уже как получится. А сейчас убирайся! Я не хочу тебя видеть.

Верити была настроена решительно.

— Я всё понял.

Сэм крепко взял её за плечи.

— Пусти, — протестовала Верити, — сейчас же. Я сказала: всё кончено!

— Нет, — сказал он тихо. — Не кончено. Потому что ты врешь.

— Я не вру!

— Врёшь, — повторил он, наклоняясь к её лицу. — Когда ты говоришь «уйди», твои губы дрожат. Когда ты говоришь «всё кончено», ты сжимаешь пальцы вот так. — Он перехватил её руку, разжал судорожно сжатые пальцы. — Ты меня не отпустила. Ты врешь!

Она замерла. Смотрела на него снизу вверх глазами, полными злости и отчаянья. К горлу подступил ком, душивший её.

— Сэм, — прошептала она. — Пожалуйста. Просто уйди.

— Нет.

Он притянул Верити к себе. Обнял не нежно, а так, словно боялся, что она сбежит. Одной рукой обхватил за талию, другой — за затылок и прижал её голову к своей груди. Верити доверчиво уткнулась носом в его жилет, и он почувствовал, как её плечи затряслись. Она плакала. Молча. Без звука.

В этот момент что-то щёлкнуло в нём. Не жалость, а то, от чего он сам испугался. «Вот она. Слабая. Сломленная. Твоя. Сделай что хочешь», — пронеслось у него в голове.

Рука Сэма скользнула ниже, сжала ткань платья на поясице. Он вдохнул запах её волос и почувствовал, как темнеет в глазах. Ему хотелось толкнуть Верити на кровать и зажать рот ладонью, чтобы ни единого звука не слетело с её губ. Сорвать с неё это чёртово платье и доказать, что все её сомнения — это пыль. Что есть только он и она.

Сэм мог взять её прямо здесь, в этом ненавистном доме. Он мог быть груб и жесток, сомкнуть пальцы на этой хрупкой белой шее и заставить Верити задохнуться собственной похотью. Показать ей, кто она на самом деле. И после этого ей осталось бы только согласиться. Потому что после такого возврата нет.

Его дыхание сбилось. Рука уже потянула ткань вверх, оголяя щиколотку, колено...

— Сэм, — прошептала она тихим разбитым голосом. Она не сказала «нет» — только его имя.

И он остановился. Сжал челюсть так, что зубы скрипнули. Медленно убрал руку и отступил на шаг — с трудом, будто разрывал живую плоть.

— Ты даже не представляешь, — сказал он хрипло, — чего мне сейчас стоило не сделать то, что я хочу.

Она подняла на него мокрые испуганные глаза.

— Я знаю, что ты хотел.

— Хочу, — поправил он. — И могу, но я этого не сделаю. Не потому, что я добрый. Ты сама придёшь и попросишь.

Она молчала. Слезы всё ещё текли по щекам, но она уже не вытирала их.

— Уходи, — сказала она тихо.

Он кивнул. Подошёл к окну, откинул полу плаща и вылез в окно. И только когда его шаги затихли в саду, она позволила себе сползти на пол, прижаться спиной к холодной стене и заплакать в полный голос.

Коридор тонул во мраке, единственным источником света была тусклая свеча у лестницы. Пол поймал себя на том, что крадёт, и вернулся к обычному своему шагу, отметив, что дом Джонсов пробуждает в нём самые скверные черты характера.

Он остановился у её двери. Воображение тут же нарисовало ему, как она сидит в одной сорочке перед зеркалом и расчёсывает свои тёмные каштановые волосы. Вчера он чувствовал от них приятный аромат розовой воды и едва сдержался, чтобы не дотронуться.

«Отставить!» — одернул он себя, чтобы собраться с мыслями. План был простой: убедить Верити поговорить с ним и уладить это недоразумение. Он ещё раз мысленно пробежался по заготовленным для этого разговора фразам и собрался уже постучать.

Он замер с занесённой над дверью рукой. Сначала он не поверил своим ушам, но без сомнения это был голос Сэма. Пол отступил на шаг, словно получил удар в грудь; волна гнева

прокатилась от макушки да самых пяток. Его кулаки сжались сами собой. В следующий миг рука дёрнулась к двери. Костяшки пальцев почти коснулись дерева. Вдох — и он войдёт. Но в последний миг Пол отдёрнул руку, будто дверь раскалилась. Нет. Не так. Не врываться. Он не варвар, как тот.

Он убедил себя, что от вмешательства лучше не станет, а поднятый шум может раскрыть её секрет. Брать на себя последствия Пол был не готов, но уйти, оставив Верити наедине с этим бесчестным человеком, он не смог.

Слов было не разобрать, зато он отчётливо слышал, как бешено стучит его собственное сердце. Пол прислонился плечом к стене, ища опоры. «Наглый, самоуверенный ублюдок! Позволяет себе врываться в чужой дом и больше того — в спальню к невинной девушке, угрожая её репутации», — шипел себе под нос Пол. «А с чего ты взял, что она невинна?» — противная мысль всплыла из ниоткуда и мерзко скребла по черепу. Перед глазами, против его воли, встала картина: сплетённые тела, тёмные на фоне огня, извивающиеся от наслаждения, наплевавшие на всё вокруг. Он замотал головой, пытаясь прогнать наваждение. «Почему это вообще меня злит? Какого чёрта мне до того, как эта девчонка ко мне относится и с кем спит?» Пол двинул кулаком по стене, не боясь привлечь внимание, и пошёл к себе — сбитый с толку и пунцовый от злости. Он чувствовал: что-то изменилось. Верити не шла у него из головы.

Проходя мимо кабинета, Пол увидел, что дверь приоткрыта, а внутри горят свечи. Не желая привлечь внимание, он попытался бесшумно проскользнуть по коридору.

— Мистер Ансуорт! — раздался властный голос миссис Джонс. — Можно вас на несколько слов.

Пол замер. Первым его порывом было дать дёру, но он тут же отбросил недостойные мысли, пригладил волосы, чтобы перевести дух, и вошёл. Хозяйка сидела за столом, прикрыв тонкие веки; она старательно растирала переносицу.

— К вашим услугам.

«Вечер принимает интересный оборот», — подумал он.

— Душещипательная история, неправда ли?

Она открыла глаза. В тусклом свете они казались пугающе чёрными. Миссис Джонс словно постарела на несколько лет.

— Не понимаю, о чём вы, — невозмутимо ответил он.

Пол и правда не совсем понимал, какой разговор его ждёт, но начал переживать, что был замечен под дверью Верити. Не хватало ещё, чтобы она подумала, что он волочит за её дочкой.

— Присядьте, — она указала на стул напротив себя. — Что вы знаете о господине Сэмюэле Уитморе?

— Знаю, что его здесь недолюбливают.

Пол выделил последнее слово. Миссис Джонс грустно улыбнулась. Ему стало интересно, что она сама знает о Сэмюэле Уитморе. Например, известно ли ей о том, как тесно её дочь общается с этим ублюдком.

— И правда. Он совсем забылся: дерётся с моими гостями и залезает в окно моей дочери, — очень спокойно заметила миссис Джонс.

Лицо Пола вытянулось от удивления. «Почему же почтенная мать семейства такое позволяет?»

— Вы удивлены, капитан? — миссис Джонс усмехнулась, но глаза оставались холодными. — Поверьте, я знаю о своей дочери куда больше, чем вы можете себе представить. И об этом... человеке тоже.

— Я, хм... даже не знаю, что сказать, — замялся он.

Это семейство казалось ему всё более безнравственным, и на самом деле у него имелось несколько мыслей по поводу происходящего здесь, но высказываться он, конечно, не собирался.

— Что тут скажешь? — раздражённо махнула она рукой и умолкла.

Пауза затянулась. Пол поёрзал на стуле, собственная рубашка словно стала ему мала. Он бы с удовольствием отклонялся, но видел, что миссис Джонс не закончила свой рассказ.

— В наших краях появление на свет мистера Уитмора — тайна, покрытая мраком. Но не для всех.

Её глаза загадочно сверкнули в слабом свете. Пол совсем не хотел знать про дела местных жителей. Но какой у него был выбор?

— Мой покойный супруг был любящим мужем и замечательным отцом, а также честным человеком, — начала миссис Джонс. — Не знаю, как это случилось, но однажды на пороге нашего дома появилась молодая женщина — смуглая, как цыганка, или просто грязная до неприличия нищенка — с новорождённым младенцем на руках. И эта особа объявила, что отец ребёнка — мой Фрэнсис!

Пол вполне мог себе такое представить. Сколько он видел в обществе distinguished отцов семейств, которые меж тем не гнушались развлекаться с горничными или проститутками.

— Девица вручила ребёнка и скрылась из виду, а Фрэнсис так и стоял с этим... — она запнулась на мгновение, — выродком на руках. Он хотел его оставить! Представляете? Как такое объяснить соседям? Я настаивала, чтобы ребёнка отослали подальше, но Фрэнсис всегда был себе на уме. Он действительно поверил, что это его сын! Муж отдал его в семью одного из наших арендаторов, и долгие восемнадцать лет я успешно игнорировала тот факт, что этот ребёнок растёт прямо у меня под носом.

«Выродок», — мысленно повторил Пол. Жёсткое слово для ребёнка, который не выбирал, кем родиться. Но он промолчал.

— Когда Фрэнсис умер, этот паршивец явился на оглашение завещания. Мой муж оставил ему в наследство огромный кусок земли. Так безродный мальчуган получил наследство, и начались пересуды — какой позор! Я едва пережила те дни! Мне удалось убедить всех, что мой Фрэнсис всегда хотел сына и на старость лет стал сентиментальным, а парнишка много времени проводил с ним — и вот во что это вылилось. В это поверили со скрипом, и история через некоторое время забылась к моему огромному облегчению. Она замолчала, собираясь с силами. А когда заговорила снова, голос её стал твёрже:

— Но Уитмору недостаточно было земли. Он решил, что имеет право... и на мою дочь. Миссис Джонс устало потёрла высокий лоб своей изящной рукой.

— Постойте, если Уитмор и правда сын вашего мужа...

— Вот именно, капитан. Но я не знаю наверняка: возможно, это правда, а возможно, и нет. У самого Фрэнсиса на этот счёт сомнений не было.

— Расскажите Верити. Она имеет право знать.

Сердце Пола стучало от радости: этот наглец никак не может быть вместе с Верити.

— Боюсь, я не могу, — растерянно пожала плечами миссис Джонс. — Девочка считает, что я пойду на любые уловки, чтобы не дать им быть вместе. Она не слушает меня и вдобавок может натворить бед.

— Но знай она правду, это многое бы объяснило для неё! — Пол, не в силах усидеть, начал расхаживать по кабинету.

— Капитан Ансуорт, чтобы не думала Верити, я не хочу выдать её замуж без любви и за первого встречного. Ей уже двадцать пять, а она всё ещё свободна. Видит бог, я не настаиваю на её браке, хотя наше финансовое положение усугубляется с каждым годом. Земле нужна

крепкая мужская рука. Я вижу в вас чувство, которого пока нет в ней. И мне не хочется, чтобы вы отказались от Верити из-за своего воспитания и не желания разлучить влюблённых.

— Я благодарю вас за доверие, — Пол наконец остановился, — но в этой ситуации я ещё более бессилён, чем вы.

Он откланялся и удалился к себе.

В эту ночь ему не спалось: капитан расхаживал по своей спальне, забыв даже снять мундир. Как ему теперь следовало поступить? Рассказать всё Верити или переговорить с глазу на глаз с этим ублюдкой Сэмом и не впутывать девушку? Если у этого наглеца есть хоть немного совести, он отступит. Но Пол был здесь чужаком: есть вероятность, что ему не поверят.

Утро следующего дня выдалось тревожным. Верити заболела. Её терзала странная лихорадка, и она не приходила в себя. За доктором только послали, и в ожидании все домашние сильно нервничали, поминутно заглядывая в открытую дверь спальни с предложениями помощи. Миссис Джонс сидела подле дочери и держала её горячую руку. Девушка металась в бреду: тёмные блестящие пряди спутались и в беспорядке лежали на подушке, ночная рубашка промокла насквозь. Горничная меняла полотенца, смоченные уксусом, но жар не спадал.

Пол стоял в дверях, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

— Я могу быть чем-то полезен? — наконец спросил он скорее из вежливости.

— Мистер Ансуорт, посидите с ней, я схожу к себе за лекарством, — растерянно ответила миссис Джонс и указала на своё место.

Пол смутился, но всё же вошёл в комнату и присел на самый край кровати. Он знал, что за ними наблюдают из коридора — Мэри, горничная или кто-то ещё. Но ему было всё равно. Он не мог отвести глаз от её лица. Он едва прикоснулся пальцами к руке Верити — её кожа обжигала. Девушка была без сознания, и он осмелился сжать её пальцы в своих руках. Она зашевелилась и чуть приоткрыла воспалённые веки.

— Вы... во всём виноваты вы, — шёпотом проговорила она; её губы пересохли и потрескались.

Пол смочил платок и промокнул их

— Уйдите, прошу же, уйдите! — слабо протестовала она, пытаясь увернуться.

— Мне поручено присмотреть за вами. Как только это будет возможно, я уйду.

На эти слова Верити закатила глаза и со стоном выгнулась.

— Если я умру, буду являться вам призраком и мучить до конца ваших дней.

Пол ничего не ответил, лишь ещё раз промокнул её губы платком. «Какие они чудесные, пухлые и манящие. Даже сейчас.», — подумал он и задержал свою руку с платком на мгновение дольше, чем требовалось.

Миссис Джонс так и не появилась. Зато наконец прибыл доктор. Мистер Пимброк — седой и почти лысый старик с крупными руками и тощий как палка. Он бросил мимолётный, ничего не выражающий взгляд на Пола и быстро приступил к осмотру.

Пол тихо удалился: в его услугах здесь больше не нуждались. Не придумав, чем себя занять, он спустился в гостиную, где сидела Мэри. Она хмурила свои чудесные брови, так что на переносице обозначились две явные морщинки; изящные руки она скрестила на груди, ножка её иногда нервно постукивала, большие водянистые глаза сверлили пол. Непонятно было: беспокоится она за сестру или раздосадована, что всё внимание приковано не к ней.

Сегодня Пол предпочёл бы быть подальше от этого маленького капризного существа, но Мэри его уже заметила. Она бросила в его сторону короткий обиженный взгляд и усиленно принялась разглядывать узор на ковре.

— Надеюсь, вашей сестре станет лучше в ближайшее время.

Он подошёл к большому окну и принялся усердно разглядывать сад.

— Я тоже на это надеюсь, — сухо отозвалась Мэри, и к огромному облегчению Пола больше она не говорила. Кажется, она слишком оскорбилась, когда он резко покинул её прошлым вечером, что, впрочем, устраивало капитана.

Через полчаса доктор спустился в гостиную; вердикт его был неутешителен. Видимых причин для такого состояния Верити он не нашёл: лёгкие отлично прослушивались и были чистыми, кашель или насморк отсутствовали.

— Возможно, мисс Верити испытала сильное нервное потрясение, — протянул он своим хриловатым голосом. — Юные девушки — существа чувствительные к таким вещам.

«Нервное потрясение», — мысленно повторил Пол. Он знал, кто был этим потрясением.

Доктор приподнял одну бровь и внимательным взглядом поверх очков изучал капитана, оценивая, насколько этот красивый незнакомец мог повлиять на её состояние.

— Могу лишь рекомендовать сбивать жар и молиться Господу, чтобы всё образовалось. Если состояние ухудшится, обязательно пошлите за мной в любое время дня и ночи, — говорил он с миссис Джонс, но взгляд его теперь изучал Мэри.

— Благодарю вас, мистер Пимброк.

Лицо миссис Джонс осунулось, всегда идеальная причёска растрепалась. Доктор натянул свой плащ и уже почти вышел.

— Ах, совсем забыл сказать: полнейший покой и тишина!

— Конечно-конечно, — утвердительно качала головой миссис Джонс.

Проводив доктора, хозяйка заняла своё кресло в гостиной и, закрыв глаза, потирала лоб.

— Мэри, посиди со своей сестрой, пожалуйста, — не открывая глаз, попросила миссис Джонс.

Мэри многозначительно фыркнула и отправилась выполнять поручение. Пол проводил её взглядом: он всё ещё стоял у окна.

— Моя лошадь здорова и подкована, и у меня нет причин больше тяготить вас своим присутствием, но, если позволите, я бы хотел задержаться, пока мисс Верити не станет лучше.

— Мистер Ансуорт, мне жаль, что вам показалось, будто мы тяготимся вашим присутствием, — она грустно улыбнулась. — Вы можете оставаться здесь сколько захотите.

— Благодарю за ваше гостеприимство.

Пол не переносил компанию Мэри, а миссис Джонс после вчерашних откровений вызвала у него неоднозначное впечатление, но Верити его влекла: совершенно необъяснимо он желал как можно дольше находиться рядом с ней, даже если для этого придётся искать глупые предлоги и мириться с наличием Сэмюэля Уитмора где-то поблизости.

В горячке Верити пролежала ещё четыре дня; она почти не приходила в сознание, и мрачная обеспокоенность царила в доме. Иногда по просьбе миссис Джонс Пол сидел у кровати Верити, чаще всего ночами. Ему было не в тягость: на службе часто приходилось забывать про сон. Была ещё одна причина: он ждал Сэма, который мог вломиться к ней. Тогда Пол сполна бы проучил мерзавца. От этих мыслей он почувствовал, как зачесались ладони. Последнее время, а если быть точнее — с тех пор, как Пол познакомился с мисс Верити, — он замечал за собой несдержанность и чрезмерное любопытство. Раньше ему всегда удавалось быть рассудительным и спокойным, но не теперь. Когда дело касалось этой девушки, он вёл себя как дурак.

Обычно Пол сидел в дальнем углу и пытался читать, но иногда он позволял себе присесть на край её кровати и касаться горячей руки. С содроганием сердца он смотрел на измученное болезнью лицо, убеждая себя, что мисс Верити достаточно крепкая, чтобы пережить недуг, и, словно в противовес его мыслям, он видел, что в тусклом свете она казалась ещё бледнее, чем раньше. Некогда румяные щёки впали, обнажив острые скулы; кожу будто покрыл тонкий слой воска, а под глазами залегли глубокие тени.

В одну из таких ночей она пришла в себя. Ресницы Верити дрогнули, и она с трудом открыла глаза — от его лёгкого прикосновения. В тусклом свете ей показалось, что рядом Сэм.

— Это ты? — она пыталась протянуть ему свою руку, но сил поднять её не было — лишь пальцы беспокойно двигались, сминая простынь. Зависть — отвратительное и недостойное чувство — вспыхнула в нём. Пол ждал проклятий в свой адрес и медлил с ответом.

— Нет, это не Сэм, — наконец ответил он, но Верити молчала: она снова провалилась в беспамятство.

Минуло ещё три дня. Заступив на своё ночное дежурство, Пол обнаружил, что Верити в сознании. Она сидела, опираясь на несколько подушек, всё ещё бледная и похожая на призрак. Глаза её недобро смотрели на посетителя.

— Мне кажется, я просила вас убраться, — голос Верити был слабым, но она упрямо чеканила слова.

— Я по просьбе миссис Джонс охранял ваш ночной покой, но, если вы пришли в себя, я удаляюсь.

Он почти вышел.

— Постойте, — голос её немного смягчился. — Окажите мне услугу.

— Какую? — капитан с интересом смотрел на девушку; она отвела взгляд, её губы сжались.

— Расскажите ему, что я в порядке, — тихо сказала она.

Глаза Пола расширились, его как будто хлестнули по лицу.

— Вы, верно, не в себе, мисс!

Он хотел тут же уйти, не оглядываясь, но не смог.

— Я бы никогда в жизни не попросила вас, просто мне больше некого.

Теперь Верити смотрела на него в упор, её ослабшие руки сжали край одеяла.

— Если ему так интересно ваше самочувствие, он мог бы воспользоваться окном, — холодно заметил Пол.

Щёки Верити едва заметно порозовели; она несколько раз открыла рот, чтобы что-то сказать, но не стала. Очевидно, препираться у неё не было сил. Она тяжело откинулась на подушки.

— Если вы не согласны, тогда просто уходите, — безразлично произнесла она и закрыла уставшие глаза.

Пол вспыхнул, но ничего не ответил и вышел. На самом деле Верити было не безразлично: она отчаянно прислушивалась к тому, что происходит за пределами её спальни. Она слышала стук его сапог по деревянным ступеням, тихое ругательство и наконец — как открылась и закрылась входная дверь. Верити улыбнулась кончиками растрескавшихся губ: больше всего на свете ей хотелось увидеть Сэма.

Спускаясь в холл, капитан злился. «Безвольный идиот! Теперь ты на побегушках у какого-то конюха. Отлично!» — бранил он себя.

В пристройке для слуг Пол еле растолкал Билли и вызнал, где живёт старый Артур. Бедняга Билли спросонья долго не понимал, что от него хотят, но всё же смог с горем пополам рассказать, куда ехать.

— Вы, господин капитан, осторожней: по темноте-то оно ездить... — он долго не мог подобрать слова, — опасно. Точно опасно ездить, — причитал он, ковыляя за Полом в конюшню, чтобы оседлать лошадь.

Позже, пустив лошадь галопом по тёмной дороге, он подумал, что не зря оставил оружие: ещё неизвестно, чем может закончиться его визит. Возможно, конюх решит продолжить

схватку, и тогда Пол представлял, с каким удовольствием его кулак мог бы приласкать лицо Сэма.

Дорога была не такой уж длинной, и отходчивый капитан, взвинченный неуместной просьбой Верити и необходимостью общаться с мерзавцем, не остыл, а скорее был раздражён до предела.

Он резво выскочил из седла и со всей силы ударил кулаком в дверь, затем ещё раз и ещё. В доме зажегся свет, послышалась ругань и быстрые шаги. Сэм, не уточняя, кто это явился посреди ночи и ломится к нему, открыл дверь. Несколько мгновений мужчины молча смотрели друг на друга.

— Чем обязан? — широкий рот Сэма растянулся в неприятном оскале; это вмиг вывело из себя Пола. Удачно замахнувшись, он как следует приложил Сэма по лицу. Ошарашенный противник не успел ничего предпринять, обмяк и упал на колени, хватая ртом воздух.

Пол схватил его за шиворот и выволок на улицу, швырнув в пыль. Сэм, хрипя, перевернулся на спину и тяжело дышал.

— Я с тобой драться не буду, — наконец сказал он.

— Боишься проиграть? — разминая надсаженную руку, спросил Пол.

— Нет, капитан. Просто я человек чести и слово, которое дал, не нарушу.

Пол вспомнил, что Сэм пообещал Верити.

— Хорошо, что я таких обещаний не давал.

Он пнул противника ногой, но не так сильно, как хотелось бы. Пол опустил коленом на грудь Сэма, не давая возможности ему вывернуться.

— Она послала сказать, что поправляется.

В темноте было плохо видно, но Полу показалось, что Сэм удивился. Впрочем, он молчал: возможно, и не знал, что его любовь была при смерти.

— И еще кое-что — уже от меня, — он приподнял голову Сэма над землёй. — Ты не можешь быть с ней.

— Это ещё почему?

Казалось, Сэм только пришёл в себя.

— Твой родной отец — Фрэнсис Джонс, — скрипнув зубами, сказал Пол.

Его кулак опустился на нос противника, раздался неприятный хруст. Сэм с шумом выдохнул и обмяк, закрыв глаза. Уже в седле Пол обернулся. Сэм лежал на том же месте; его рука ощупывала сломанный нос.

— Не смей к ней приближаться! — крикнул он на прощанье и исчез в темноте.

Сэм перестал ощупывать лицо. Он смотрел в чёрное небо и не видел звёзд. «Не может быть», — прошептал он в пустоту. Но в глубине души что-то щёлкнуло. Что-то, чему он не хотел верить.

От мощного удара у Сэма потемнело в глазах, и он потерял равновесие.

«От непрошенных ночных гостей стоит ожидать подобного», — падая, подумал он. От удара по рёбрам сбилось дыхание, но он обещал не трогать капитана — значит, будет терпеть. Оставалось надеяться, что этот здоровяк выдохнется быстрее, чем в Сэме закончится жизнь. Жаль, Верити не взяла такое обещание с этого выскочки.

Но сильнее ударов ранили слова Ансуорта. Слова о Фрэнсисе Джонсе вонзились глубже любого ножа. «Не может быть», — пронеслось в голове. Но где-то в подсознании уже завывала тоскливая, безнадежная догадка: слишком многое в его жизни вдруг находило этому объяснение.

Сэм думал, что Верити обиделась и поэтому не даёт о себе знать, но и это сейчас было не главное...

Фрэнсис Джонс. Сэм хорошо его помнил с самого детства. Этот человек словно всегда присутствовал в его жизни. Артур работал в его конюшне, а Сэм с малых лет помогал своему приёмному отцу и часто видел Джонса. Тот иногда обращал внимание на него, весело подмигивал и мог подбросить пару монет за хорошую работу.

Когда Сэму исполнилось шестнадцать, мистер Джонс пришёл к его отцу.

— Пора бы парнишке повидать мир и стать мужчиной, — провозгласил он, и сердце Сэма забило быстрее: он не верил своему счастью. Тогда отправиться на войну ему казалось замечательной идеей. Он жаждал приключений и подвигов — руки буквально чесались надрать зад французам.

Артур был против, но под напором сына в итоге сдался. Он тяжело вздыхал и причитал, собирая Сэма в дорогу, попутно описывая ужасы, которые могут его поджидать, но разве можно было его тогда вразумить? В шестнадцать в голове свищет ветер, а здравый смысл отсутствует даже в зачаточном состоянии.

Много позже Сэм понял, про что говорил его отец и как был прав. А тогда предложение мистера Джонса его не удивило. Помимо него ещё несколько мужчин и парней, как он, из арендаторов отправились послужить короне вместе с Джонсом. Жаль, не все вернулись.

И Сэм пострадал: он принял французский штык на себя, защищая Джонса. Рана была серьёзная, он потерял много крови, и его долго мучила лихорадка, но в тот раз всё обошлось. В напоминовение остался лишь уродливый шрам на спине, и правая рука в непогоду противно ныла.

Сэма передёрнуло от воспоминаний: тогда он думал, что умрёт. От изуродованного паренька на войне толку не было, и его отправили умирать на родину.

Когда Сэму исполнилось восемнадцать, мистер Джонс умер. Оказалось, он не забыл про поступок мальчишки и щедро отблагодарил его за спасённую жизнь в своём завещании.

Сэм крепко зажмурился, отчего перед глазами забегали мерцающие точки. Чья-то крепкая рука поставила его на ноги одним рывком.

— Я тебе говорил про леди-белоручек, — проскрипел Артур, крепко ухватив сына за подбородок и разглядывая сломанный нос. — И чего ты валялся, как дохлый баран? Уложил бы его — и дело с концом.

Артур сплюнул, явно недовольный тем, что Сэм не боролся.

— Давай лучше пойдём в дом.

Сэм пригладил копну своих чёрных волос, и они неровным шагом пошли в дом. Кажется, он всё же крепко получил по голове: у самого порога его вывернуло наизнанку. Артур усадил сына на кухне, протянул ему кружку и набрал в таз горячей воды.

— Промыть надо, — оценил рассечённую кожу старик.

Сэм осушил кружку одним глотком и слишком сильно опустил её на стол.

— Я сам!

Он смочил чистую тряпицу и осторожно приложил к лицу, слегка морщась. Во рту стоял металлический привкус вперемешку с кислым послевкусием дешевого вина.

— Скажи-ка мне, старик, кто мой отец? — без лишних расшаркиваний спросил Сэм.

Артур тяжело опустил на трёхногий табурет и принялся почесывать затылок.

— Ты, поди, уж сам знаешь, — наконец протянул он.

— Нет, не увиливай, скажи, как есть, — Сэм уставился на него своими чёрными глазами.

— Сдаётся мне, капитан тебе правду сказал, — отводя взгляд, пробормотал Артур.

— Отчего же ты, седая голова, скрывал от меня?

Сэм начинал злиться. Все знали, что он ублюдок местного господина, и молчали. Даже чёртов выскочка Ансуорт знал.

— Знамо дело, от чего. Мистер Джонс принёс тебя — крохотного такого, — старик поднял руки, показывая, какого тогда размера был Сэм. — И говорит: «Возьмёшь мальчонку на воспитание». А жена, прежде меня отвечает: «Возьмём, возьмём мистер Джонс». И взяла тебя на руки — и светиться вся. Где уж мне было отказываться? А он и говорит: «Одно только условие: знать ему про настоящего отца никак нельзя». Ну мы и согласились.

— Так... — протянул Сэм. — А коли я сестру свою обрюхатил, что тогда?

— Ну, сынок, я тебе прямым текстом каждый день талдычу: не связывайся с мисс Верити, а ты меня и не слышишь, — пожал плечами Артур.

Из груди Сэма вырвался стон; он со всей силы ударил кулаком по столу. Посуда дружно звякнула, а перед глазами закружились чёрные точки. Жаль, что рядом не было Ансуорта: теперь кулаки у него чесались так, что ни одно обещание не удержало бы его от хорошей драки.

— Старый дурак, — прорычал Сэм.

Он взял из буфета бутылку с напитком покрепче вина и, опираясь на стену, ушёл к себе, попутно осыпая проклятиями всех и вся и распыливая всё, что попадалось ему под ноги.

Некоторое время Сэм сидел неподвижно, глядя в одну точку на стене. Гул в голове постепенно стихал, уступая место тупой, пульсирующей боли, которая разлилась по всему лицу. Дышать через нос стало почти невозможно — мешали запёкшаяся кровь и омерзительный хруст при каждом вдохе.

— Чёрт бы вас всех побрал, — прохрипел он, с усилием поднимаясь.

Он подошёл к мутному зеркалу, висевшему над старым полуразбитым комодом. Увиденное не обрадовало: переносица распухла и странно сместилась в сторону, придавая лицу асимметричное, почти звериное выражение. Глаз заплыл, под ним расплзался лиловый синяк.

Сэм сплюнул на пол остатки крови, глубоко вздохнул и, не давая себе времени на раздумья, резко схватился пальцами за переносицу. Кожа была горячей и скользкой. Он нащупал тот самый хрящ, который встал не на место.

— Ну, давай, — прошипел он сквозь зубы.

Одним быстрым, выверенным движением он дёрнул нос в сторону, противоположную той, куда его сместил удар капитана. В тишине комнаты громко и мерзко хрустнуло. Боль была такой, что перед глазами взорвался сноп белых искр, а к горлу подкатила тошнота. Сэм застонал, сжимая кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Несколько секунд он ничего не видел и не слышал, кроме собственного сиплого дыхания.

Когда пелена перед глазами рассеялась, он медленно, боясь нового приступа боли, потрогал нос. Теперь он лежал ровно.

Сэм выпрямился, вытер руки о тряпку и, пошатываясь, отошёл от зеркала. Из носа снова пошла кровь — тёплая, липкая, заливающая подбородок. Но он даже не пытался её остановить. Он нашёл бутылку, которую принёс, и, поднеся горлышко ко рту, сделал долгий жадный глоток. Во рту всё смешалось: виски, кровь, горечь.

— Живучий, — хрипло прошептал он сам себе. Губы растянулись в кривой, почти безумной усмешке.

Сэм не спал всю ночь, напиваясь и размышляя — впрочем, одно другому не мешало. «Знает ли Верити?» — думал он. «Если да, тогда у меня не хватит сил с ней заговорить, а если нет... то так даже лучше». Свеча догорела; в воздухе медленно таял её прощальный дымок, последние капли напитка растворились во рту, и он решил, что лучше будет избегать встречи с ней.

За окном ещё только занимался рассвет: небо было плотным и серым, в комнате в этот час и вовсе было темно. Сон резко прервался. Пол открыл глаза: ему показалось, что хлопнула дверь. Рука по привычке потянулась к ножу, который он всегда держал под подушкой, но, вспомнив, где он находится, остановился.

Пол осмотрелся. У самой двери, словно призрак, стояла Верити. Её ночная рубашка светила в темноте. Пол облегчённо выдохнул — это не Уитмор пришёл по его душу.

— Вам не стоит находиться здесь, — садясь на кровати, сказал он.

— Вы были у Сэма? — голос её звучал глухо.

— К чему соблюдать приличия? Если ваша мать застукнет нас в таком виде... — он не успел продолжить.

— Ответ же мне!

— Да, я был у него. И да, я передал ему ваши слова.

Пол был спокоен: теперь-то улюбок будет ни при делах. Уголки его губ сами поползли вверх при этой мысли.

— Хорошо, — она задержалась на мгновение в дверном проёме. — И, пожалуйста, ради бога, уезжайте!

Не дожидаясь ответа, Верити исчезла, будто и вправду была призраком.

— Простого «спасибо» было бы достаточно, мисс Джонс! — бросил в темноту Пол и упал на подушки.

Уснуть той ночью он уже не смог. Пол раздумывал, что делать дальше. У него оставалось мало времени, чтобы успеть навестить свою семью. Он решил сегодня же покинуть Джонсов — к тому же Верити сильно на этом настаивала. Пол зажмурился и потёр заросшее лицо. Он совершенно точно осознал, что сердце этой девушки (подумать только!) принадлежит её брату! Делать ему здесь больше нечего, и, кроме того, при утреннем свете всё произошедшее казалось ему безумием. Он твёрдо решил больше не ввязываться в дела этой безнравственной семьи.

Тем же днём капитан Пол Ансуорт сердечно поблагодарил хозяйку дома миссис Джонс, а также её дочерей за оказанное гостеприимство и продолжил свой затянувшийся путь к семье в Гэмпшир.

Глава 3

Верити поправлялась медленно. Она отказывалась покидать комнату и не разрешала открывать окна: от солнечного света у неё болела голова, от свежего воздуха мутило. Она крайне мало ела, и её вес таял на глазах. Это вызывало беспокойство у матери и доктора Пимброка.

Дни на пролёт она лежала или полусидела, глядя в стену. От Сэма не было вестей. Сначала Верити думала, он залезет к ней в окно, как в последнюю их встречу, но этого не произошло. Тогда она написала записку и передала её кухарке, строго наказав отправить её в дом Уитморов с торговцем мясом. Это было в понедельник. Ответа не было, хотя четверг уже был на исходе. Прождав ещё пару дней, она решила действовать.

Верити едва могла стоять на ногах из-за сильного истощения. Одеваться сил тоже не было, она взяла толстую шаль и завернулась в неё как можно плотнее. Сапоги были на своём месте у двери.

Верити шла, опираясь на стену, и надеясь, что все спят крепким сном, быть бесшумной в таком состоянии не получалось. Когда она проходила мимо спальни сестры, из ослабевшей руки с грохотом выпал сапог. Она замерла, выжидая, что произойдёт. К счастью, шум никого не разбудил, и она двинулась дальше.

Последние силы она потратила, чтобы залезть на лошадь. Без седла ей ездить раньше не приходилось, но делать было нечего. «Пусть этому трусу будет стыдно, когда он увидит меня на пороге», — мрачно предвкушала Верити.

Сидеть верхом она не могла и просто растянулась по спине животного, безвольно свесив ноги и пальцами вцепившись в гриву.

— Ну же, Косточка, поехали, — прошептала она, едва коснувшись пятками боков животного.

Косточка, получившая своё прозвище за невероятную худобу и пепельно-белый цвет, когда была жеребёнком, фыркнула и послушно двинулась вперёд. В этот раз Верити выехала по главной аллее, не петляя по двору и не таясь.

Лучшего времени для побега и придумать было нельзя. В такую ночь дорога была пустынна, её кремнистое извивающееся очертание едва проглядывалось в приглушённом облаками свете луны. Холодный ветер обдувал лицо и спину, но тепло, исходившее от лошади, и толстая шаль не давали Верити вконец озябнуть. А вот неубранные волосы упрямо лезли в глаза и рот; Верити безуспешно мотала головой, пытаясь их откинуть.

Где-то на середине пути она потеряла бдительность, и сапог соскользнул с тощей ноги и с глухим стуком приземлился в пыль. Пришлось смириться и продолжить путь. Так, замёрзшая и измученная, она добралась до самого дома Уитморов. До этого Верити была здесь всего один раз.

Крепкая, но крайне простая хижина утопала в темноте. Дом стоял чуть в стороне от дороги и скрывался за небольшой тополевой рощей: тогда Верити показалось, что это чудесное уединённое место. Сэм построил свой дом из грубого камня и дерева, выцветшего до пепельно-серого цвета; стены он побелил известью, а ставни выкрасил в синий цвет. Крыша была соломенной. Сэм рассказывал, что под стрехой уже не первый год гнездятся ласточки и изводят его кошку Мурдину.

Рядом стоял приземистый хлев. Проезжая мимо, Верити почувствовала, как от него тянет теплом и густым, привычным запахом скота и сена. Учув знакомую лошадь, конь Сэма заржал в темноте хлева и, видимо, боднул стену; раздался глухой стук, и разбуженная коза беспокойно заблеяла.

Верити усилием воли выпрямилась и попыталась аккуратно слезть, но резко к горлу подкатила дурнота, и голова сильно закружилась — она соскользнула с лошади, теряя сознание. Повезло, что Косточка была смирной: хоть она и стригла ушами и нервно фыркала, но стояла на месте.

Придя в себя, Верити осторожно отползла из-под лошади, ласковыми словами успокаивая её. Правая рука сильно болела — похоже, она приняла весь вес падения на себя. Удалившись на безопасное расстояние, Верити села и не двигалась до тех пор, пока головокружение не прошло.

Стало очень холодно. Мелкая дрожь противно донимала. Усилием воли она заставила себя подняться и медленным, неверным шагом направилась к двери. Иногда Верити приходилось останавливаться: тело предавало её и угрожающе раскачивалось. Преодолев самые сложные десять шагов в своей жизни, она постучала.

— Кто? — послышался сонный голос Сэма. С некоторых пор он спрашивал, прежде чем открывать ночным посетителям.

— Я, — услышал он в ответ знакомый голос.

Сэм выругался, но дверь наконец открылась. Она стояла, уперевшись в дверной косяк, обхватив себя руками, вся в грязи и в одном сапоге. Верити дрожала от холода и не могла сделать шаг, чтобы войти.

— Какого черта! — вырвалось у Сэма, и он грубовато втянул её за плечи через порог. — Надеюсь, ты не призрак, потому что выглядишь именно как он.

Верити уткнулась лицом ему в плечо, ноги подкосились, и, если бы Сэм не прижимал её к себе так крепко, она бы уже лежала на полу.

— Скверно... — протянул Сэм, скользя по ней взглядом и ужасаясь не столько грязной одежде, сколько невероятной худобе и бледности. — Что ты здесь делаешь?

Он усадил её на изрядно потрёпанную кушетку поближе к очагу, сам же отстранился, будто всё ещё подозревал, что Верити — призрак.

— Ты не пришёл ко мне и не прислал ответа на записку.

Сэм прикрыл глаза, мучительно раздумывая, как поступить. Но Верити, сама того не желая, нашла для него выход:

— Ты не рад мне? — неожиданная мысль пронзила её, и предательская слеза защипала глаза; Верити отвернулась, чтобы не показывать ему своего расстроенного лица.

— Ну, ты могла бы и раньше догадаться, совсем не обязательно для этого разъезжать в таком виде по округе, — попытался съязвить Сэм, но в горле стоял ком, голос хрипел — получилось неубедительно.

Сам бы он не смог придумать лучше. Сэм принял безразличный вид, хотя ему было не всё равно, и жгучее чувство вины разъедало его за то, что не нашёл сил поговорить с ней, и теперь эта упрямецка, еле живая, сама пришла за объяснениями.

— Ты прав, но скажи мне: в чем причина? — Верити всё ещё сидела, отвернувшись от него.

— Нужна ли мне причина, чтобы охладеть к такой как ты? — Сэм ухмыльнулся. Кажется, он был убедителен. Её плечи затряслись, она всхлипнула.

«Бедная девочка, — подумал про себя Сэм, — надеюсь, ты никогда не узнаешь правды».

— Я мало понимаю в таких вещах, но мне казалось, ты не такой. Той ночью ты обещал мне себя, — Верити повернулась к нему лицом: прятать слёзы было уже бессмысленно.

Сэм нервно сглотнул, но продолжил:

— Да, было такое. — Его кулаки непроизвольно сжались. Ему удавалось сохранять равнодушное лицо и голос, но тело протестовало против этой фальши. — Я не получил того же в ответ, а потом ты и вовсе прогнала меня как пса.

От накативших воспоминаний Сэм разозлился — уже по-настоящему. Он скрестил руки на груди, глаза его недобро сверкали в свете огня.

— Тогда я рада, что ты нашёл в себе силы сказать мне это в лицо, а не прятаться, как трус!

От этих слов он расвирепел. Верити была права: он трус, и этого приводило его в бешенство. Сэм сжал челюсти до боли в зубах, жилы на шее вздулись, губы сомкнулись в тонкую бескровную полоску, глаза уставились в пустой угол, он старался не смотреть на нее еще мгновение. Он старался не смотреть на неё — ещё мгновение, и он не выдержит, а в гневе можно наговорить такого, о чём потом сильно пожалеешь.

В конце концов он врезал кулаком в стену, отчего ему сразу стало легче. Верити от неожиданности взвизгнула и замерла. Она была уверена, что он не посмеет её тронуть, но руки тряслись, а нижняя губа нервно подрагивала. На самом деле ей было страшно находиться с ним в одной комнате.

— Чертов дикарь! Может, всё и к лучшему! — прошипела она, приходя в себя.

Верити была так зла и расстроена, что это придало ей сил. Она встала и направилась к выходу походкой более уверенной, чем прежде. Сэму казалось, что сердце его разорвётся, но так было лучше — во всяком случае, он себя в этом убеждал.

— Постой, — окликнул он её, — Я отвезу тебя.

Сэм тряхнул головой, сбрасывая напряжение. Теперь он снова напоминал самого себя.

— Мне не нужна твоя помощь, — Верити с силой его оттолкнула, но с таким же успехом она могла толкнуть каменный валун.

— Я про это не спрашивал, — коротко ответил он, — Может, я тебя больше и не желаю, но не хочу, чтобы ты по пути свалилась в канаву и умерла.

Лицо Сэма уже ничего не выражало, но знал бы кто-то, как тяжело ему даются эти слова. Всё, чего он хотел в этот миг, — прижать Верити к себе, нежно гладить по голове, утешать и никогда не отпускать. Если не как возлюбленную, то хотя бы как младшую сестру. Что за проклятую шутку решила сыграть с ним судьба!

Сэм хотел отвезти Верити на её же лошади, но увидел, что она стоит без узды и седла. «Безумная девка», — подумал он про себя и испугался, как она смогла доехать и не убиться.

Пришлось оседлать Эша. Он легко закинул Верити в седло, ощущая, какая она стала лёгкая; под ночной рубашкой явно прощупывались рёбра.

— Я не поеду с тобой в одном седле. Иди ногами! — запротестовала она.

— Вот ещё! Мне не очень хочется покидать свой дом верхом в такую ночь, а идти пешком — и подавно. Будешь препираться — перекину тебя через седло, как набитый мешок. Поняла?

Верити демонстративно отвернулась, и они медленно отправились в обратный путь.

Сэм переживал, что от галопа ей сделается дурно, поэтому ехали медленно. Про себя он ужасался и бесконечно сожалел о том, как поступает, раз за разом повторяя себе, что так будет правильно, — но утешения ему это не приносило.

Они ехали молча, покачиваясь в такт движениям Эша. Верити сама не заметила, как в поисках тепла плотнее прижалась к нему. Она почувствовала знакомый запах дыма, лошадей и сена. «Он всегда так пахнет», — подумала она, и сердце её сжалось: в последний раз она ощущает его запах, в последний раз он согревает её своим теплом. Она всхлипнула, но на слёзы сил уже не было.

Наверное, Верити слишком устала от поездки и недобрых новостей и сама не заметила, как уснула, уперевшись затылком в его плечо. Когда они подъехали к дому, Сэм осторожно спустил её и на руках занёс внутрь. Верити проснулась, но решила не подавать виду. Она не знала, как себя вести и что сказать на прощание — и нужно ли ещё что-то говорить.

На шум вышла миссис Джонс в халате и свечой в руках; её чепец съехал на бок, и седые пряди спадали на плечи. Она, как рыба, несколько раз безмолвно открыла рот, провожая взгля-

дом странное явление. Возможно, она подумала, что это дурной сон или была слишком потрясена увиденным.

Сэм уже знал, где спальня Верити. По-хозяйски он прошёл коридор и открыл дверь ногой — не очень хотелось так делать, но руки были заняты. Здесь пахло розами и мятным маслом, огонь в камине ласково потрескивал, согревая и освещая комнату. Постель, ставшая убежищем для Верити в последние несколько недель, была в беспорядке. Он пытался запомнить каждое мгновение, каждую деталь — ведь это всё в последний раз. Её обмякшее тело в его руках... Он больше никогда к ней не прикоснётся и сделает всё, чтобы никогда больше её не увидеть. Так будет лучше для неё. И так будет лучше для него.

Сэм зажмурился, отгоняя печальные мысли, и уложил Верити в постель, накрыл одеялом, поцеловал в лоб и ушёл. «Всё», — подумала Верити. Она хотела бы разрыдаться, но не могла и просто лежала тихонько, всхлипывая.

— Вам бы лучше следить за дочками, миссис Джонс, — подмигнул он на обратном пути. Хозяйка дома ничего не ответила, провожая взглядом непрошеного гостя.

Глава 4

В Лондоне капитан квартировался в районе Стрэнд. Улица тянулась широкой лентой между Сити и Вестминстером и была оглушительно шумной после тихих дней, проведённых в сельской местности. Повозки, кэбы, телеги с товарами тянулись бесконечной вереницей, громяхая по мостовой. Толпы людей, слоняющихся по делу и без, шумели не меньше.

Пару раз Пола окликали знакомые. Он вежливо приветствовал в ответ, но пресекал любую попытку завязать беседу. Больше всего ему хотелось освежиться с дороги и как следует перекусить.

Он снимал небольшую квартирку из двух комнат в доме лавочника. Чтобы попасть к себе в комнату, нужно было преодолеть невероятно узкую и скрипучую лестницу на второй этаж. Пол мог передвигаться по ней только боком, а истёртые узкие ступени только и ждали, когда идущий неверно поставит ногу — после чего он неминуемо полетел бы головой вниз. К счастью, несмотря на свои габариты, капитан умел довольно грациозно передвигаться в пространстве.

Бросив сумки у входа, он развалился на стуле, изучая, насколько изменились его «владения». Все поверхности были покрыты толстым слоем пыли, в камине лежала старая зола, а закрытые и плотно занавешенные окна не позволяли свежему воздуху проникать в квартиру уже две недели — отчего запах стоял затхлый и тяжёлый.

Пол открыл окно на распашку. Воздух снаружи состоял из смеси зловонья от помоев и копоти многочисленных печей и каминов, но проветрить всё же стоило. Он с сожалением подумал о том, как чудесно пахло в саду его матери, и плюхнулся на кровать, подняв облако пыли; в нос ударил неприятный запах отсыревшего одеяла. Пол подскочил и смачно чихнул. Он выругался и чихнул ещё раз.

— Миссис Барнс! — рявкнул он, шмыгая носом.

Внизу послышалось тихое ворчание и шаги, а через несколько минут в дверях появилась раскрасневшаяся и запыхавшаяся женщина. Седая прядь выбилась у неё из-под чепца, и она нервно заправила её обратно.

— Мистер Ансуорт, — женщина старательно натянула улыбку, — уже вернулись. Замечательно.

— Да, миссис Барнс. Напомните мне, пожалуйста, вот что: когда я вносил плату, вы уверяли, что у вас порядочное жильё.

Пол сделал ударение на слово «порядочное» и многозначительно посмотрел на хозяйку.

— Конечно, порядочное! — встрепенулась миссис Барнс.

— Отлично. Значит, мне не показалось! Тогда подайте, пожалуйста, горячей воды для умывания, а в моё отсутствие потрудитесь привести помещение в надлежащий вид.

— Как скажете мистер Ансуорт. Воду сейчас принесу.

В его отсутствие под дверь скопилась внушительная куча корреспонденции, которая явно требовала внимания. Приведя себя в порядок, он бегло ознакомился с ней, но ничего значимого не обнаружил. Несколько жалоб, донесения и рапорты, бесконечные отчёты... и приглашение на чай от семейства Эббот. Пол довольно хмыкнул и улыбнулся, вспоминая прехорошенькую белокурую мисс Эббот. Отложив приглашение, он решил, что займётся этим позже, а сейчас нужно было попасть в казарму.

Будучи совсем юным, Пол грезил о военной службе. Все мужчины его семьи строили свою карьеру на этом поприще, и как только предоставилась такая возможность, он исполнил задуманное — хотя и здесь были свои нюансы. У старшего мистера Ансуорта было одно условие: он настоял на покупке патента, не желая, чтобы его сын ходил в солдатах, и только после этого дал своё добро. У Пола не было выбора, но были свои соображения по этому поводу:

он уступил отцу, а себе пообещал, что будет служить вдвойне усердно, чтобы оправдать факт покупки патента хотя бы в своих глазах.

Кто бы только знал, что вместо военных кампаний ему придётся муштровывать солдат, распределять караулы, инспектировать посты и заниматься бесконечной работой по обеспечению своей роты, соблюдению порядка в казарме и на улицах, — чем он и занимался с удвоенным усердием, как сам себе и обещал. У юного мистера Ансуорта был предельно простой план: принять участие в боевых действиях, проявить себя и покрыть военной славой. «Святая простота», — хмыкнул про себя Пол. Хотя его старания не были напрасными: у начальства он был на хорошем счету не благодаря связям и фамилии, а по факту своей безупречной службы.

В последующие две недели один день не отличался от другого. Днём — служба, вечером он ужинал в одной и той же таверне и возвращался домой. Реже он пьянствовал в компании других младших офицеров в кабаках «средней руки» — больше для поддержания офицерского братства, нежели у него была потребность забыться в вине.

Вот и сегодня вечером было решено распить бутылку-другую, а дальше, как пойдёт. Ещё трезвая, но уже очень весёлая компания, состоящая из капитана Джеймса Фитча, лейтенанта Оливера Огливи и капитана Пола Ансуорта разместилась за свободным столом в задымленном зале. В отличие от Пола и Оливера, Джеймсу довелось участвовать в паре стычек, и ему было что рассказать.

После пары стаканов Пол захмелел, и мир стал будто чуточку лучше.

— Знаешь подполковника Ричардсона? — шепнул, склонившись к нему, Оливер. Он был уже изрядно пьян, его маленькие чёрные глазки загадочно блестели.

— Нет, — заинтересованно ответил Пол.

— Кажется, скоро узнаешь, — Оливер икнул, и его короткий толстый палец указал на человека за соседним столом. Оливер нервно хихикнул и отстранился.

Полу стало не по себе: подполковник смотрел прямо на него своими зелёными глазами, и капитан мог бы поклясться, что в них было самое настоящее вождение. Пол спокойно изучил его взглядом: не молодой, но ещё и не старый, подтянутый, с великолепной осанкой, одетый по последней лондонской моде. Слишком ухожен, чтобы посещать такие заведения.

— Педик, — брезгливо кинул Джеймс, проследив за взглядом Пола.

— В каком смысле? — Пол и сам понял, что вопрос дурацкий, но было поздно — его дружки разразились хохотом.

— Ансуорт, тебе сколько лет? — утирая слезу, спросил Оливер.

— Двадцать четыре. А что?

Друзья снова разразились смехом. Пол тоже нервно хихикнул, чувствуя, как покраснели кончики его ушей.

— А если серьёзно, берегись его, — нахмурился Джеймс. — Слухи о нём ходят неприятные.

— Да ну? И какие же? — решил осведомиться Оливер, хотя и сам наверняка знал какие. Джеймс понизил голос.

— Говорят, если ты придёшься ему по вкусу, — Джеймс сделал поясняющее движение бёдрами, — у тебя два выхода: сдать на милость проклятому извращенцу — и получишь повышение, если, конечно, оправдаешь ожидания содомита, — или отказать, тогда служба сразу не задастся. Сами понимаете, связи и всё такое.

Над столом повисло молчание.

— После таких разговоров мне нужна реабилитация в объятиях умелой девки, — заявил Оливер, явно ожидая, что друзья его поддержат.

— Отличное предложение, — согласился Джеймс, и вдвоём они уставились на Пола.

— Черти! Я слишком пьян для такого.

— Ты, как всегда, Ансуорт, портишь всё веселье! И трезвым в борделе быть совсем необязательно, скорее наоборот.

Лейтенант Огливи, большой ценитель женских прелестей, чуть ли не с первого дня знакомства считал своим долгом затащить Пола в бордель, раз за разом сталкиваясь с отказом.

— Оливер, ты разве не знаешь, что нашего капитана привечает аппетитная вдовушка из дома напротив его берлоги? С белыми, как молоко, грудями и широкими плодородными бёдрами, — мечтательно сообщил Джеймс. Оливер едва не подавился.

— Это где таких раздают? — с любопытством уставился он на покрасневшего Пола.

— Грязные слухи не имеют ничего общего с действительностью, джентльмены, — невозмутимо сообщил Пол. Но ему, конечно же, никто не поверил.

Допив, компания поднялась из-за стола. Пол снова поймал на себе взгляд зелёных глаз. Подполковник Ричардсон задумчиво потирал свой острый подбородок, неприкрыто разглядывая капитана. Он, в свою очередь, бросил, как ему казалось, достаточно угрожающий взгляд, но ответом ему была наглая улыбка. Чёртов содомит над ним потешался!

— Как думаешь, у меня неприятности?

Джеймс ободряюще похлопал приятеля по плечу.

— Смотреть ещё не значит подкатить к твоей жопе, — без обиняков заявил Джеймс.

— Умеешь утешить, дружище, — улыбнулся Пол, отгоняя неприятные мысли.

Следующий день был до неприличия насыщен самыми скучными делами, и уже в половине четвёртого Пол понял, что зверски голоден и устал: от писанины сводило пальцы и болела голова. Решив совместить приятное с полезным, он отправился на поздний обед в таверну, расположенную недалеко от Стрэнда, — там всегда замечательно кормили. Обычно он обедал, не покидая расположения полка, но сейчас ему нужно было размяться и сменить обстановку. Погода стояла приятная, и чем дальше ноги уносили его от душного кабинета, тем прекраснее было его настроение.

Капитан устроился в тихом углу — по старой привычке он сел спиной к стене, чтобы весь зал был как на ладони. Под монотонный гул таверны он пил на удивление приятный эль и перечитывал несколько писем, которые прихватил с собой; впрочем, к службе они отношения не имели.

Кажется, семейство Эбботов было настроено серьёзно. Пол улыбнулся, вспомнив, как приглашение на чай переросло в приглашение на ужин. Мисс Эббот в тот вечер была обворожительна: Полу хорошо запомнились её ореховые, с поволокой глаза, обрамлённые длинными ресницами, и светлые локоны на чудесной головке, а ещё — глубокое декольте, не прикрытое фишю. И позже в саду... По телу пробежала приятная судорога, и Пол улыбнулся сам себе, смущённо прочистив горло. Попутно размышляя, стоит ли связывать себя узами брака или ещё не время.

Пол отхлебнул эля и замер. В голове мелькнуло бледное лицо, тёмные каштановые пряди и глаза цвета штормового неба. Верити. Он вспомнил, как она стояла на пороге его спальни, бледная, словно призрак, и как он сжимал её руку — тонкую, горячую, дрожащую. И сразу же отдёргнул себя.

— Не твой вариант, Ансуорт, — прошептал он в кружку.

Он мотнул головой, прогоняя наваждение, и вернулся к письму от семейства Эббот. Ровные строчки успокаивали. Мисс Эббот была предсказуема, удобна и красива.

Из раздумий его вырвал тихий, вкрадчивый голос:

— Капитан Пол Ансуорт?

Пол поднял глаза и обомлел. Подполковник Ричардсон собственной персоной. Под пристальным взглядом зелёных глаз в животе словно заворочался клубок склизких змей.

— Сэр, — капитан поднялся, соблюдая приличия.

Ричардсон без приглашения уселся за стол, вежливо при этом улыбаясь и приглашая Пола последовать его примеру.

— Молод, хорош собой, аккуратен и, конечно, с идеальной репутацией. Редкое сочетание в наше время, знаете ли.

Подполковник придвинул свой стул слишком близко — так, чтобы их колени соприкоснулись. Пол вскипел, едва удержавшись, чтобы не дать по лицу собеседнику.

— Я служу честно, в соответствии с уставом и моими моральными принципами, — нарочито сдержанно ответил Пол, отодвигаясь подальше. Но его брови недобро сошлись на переносице, и кулак на правой руке сжался сам по себе.

Ричардсон явно забавлялся: его улыбка становилась всё шире, а взгляд — стал масляным, как прошлым вечером.

— Очень хорошо, капитан. Жаль только, что такой талант пропадает зря. Может, вы слышали, что я люблю помогать талантливым людям, если они, ко всему прочему, умеют быть благодарными.

— Когда дело касается службы, я всегда готов к наставлениям.

— О мой мальчик, вы слишком буквальны, и, боюсь, ещё не поняли, что Лондон — не плац: здесь всё решается иными путями.

Рука подполковника скользнула под стол и от колена ползла всё выше. Теперь Пол был не просто красный — он побагровел от гнева.

— Немедленно уберите руку, — прошипел он сквозь зубы.

— А не то? Ударите старшего по званию при полном зале свидетелей?

Рука подполковника достигла цели. Пол подскочил, как ужаленный, а дальше ничего не помнил.

Из показаний свидетелей: он ни с того ни с сего подорвался с места, перевернул стол и вывернул руку несчастному джентльмену, а затем одной рукой держал его за грудки, а другой наносил сокрушительные удары пострадавшему по голове. Затем швырнул его через весь зал и скрылся.

Единственное, что позже вспомнил Пол, — как подполковник Ричардсон, сквозь разбитые зубы, плюясь собственной кровью, прошипел, что Пол — покойник. Но это он и так знал: пути обратно не было.

Капитан стоял, вытянувшийся, как струна, в мундире, но без оружия. Затхлый воздух в кабинете полковника Хоука щекотал глотку и ноздри иногда вздрагивали, сдерживая порыв как следует чихнуть.

Полковник буднично перебирал бумаги у себя на столе, затем взялся за письмо, словно капитана здесь не было. Позади Хоука стоял адъютант с папкой в руках, и вот он не сводил своего пренебрежительного взгляда с провинившегося офицера.

Наконец Хоук прочистил горло, издав звук, словно рычит брехливый пес, отложил перо и законченное письмо. Его цепкие чёрные глаза изучали капитана. Он хмыкнул раздражённо, о чём-то размышляя.

Пол вспотел от напряжения; он чувствовал, как капелька пота проскользнула между лопатками и скользила всё ниже. Ночь он провёл без сна, пытаясь совладать с ужасом перед ожидавшим его позором, и теперь голова ужасно гудела, а в глаза словно насыпали песка. Его непременно прилюдно высекут и отправят в застенки — к такому подготовиться нельзя, и спать в ожидании такого тоже.

Подтверждение своим догадкам он находил в том, что его вызвал сам полковник. Скорее всего, Хоук собирался инициировать военный суд.

— Ансуорт, гхм... — полковник ещё раз прочистил горло. — Вашему положению не позавидуешь. Надеюсь, вы это понимаете?

— Да, сэ, — отчеканил Пол.

Капелька пота достигла поясницы, и стало ужасно щекотно. Адъютант высокомерно хмыкнул, чем вызвал неодобрительный взгляд своего начальника. В этом кабинете хмыкать мог только один человек.

— Вы ударили старшего по званию. Недостойное поведение для офицера Его Величества, — буднично заключил Хоук.

«Ударили», — повторил про себя Пол и подумал, что больше подошло бы слово «отколошматил», ну или хотя бы «избил». Пол с мрачным удовлетворением ощутил, как саднит его разбитая рука, и едва удержался от улыбки. Он сделал бы так снова. Никто не посмеет оценивать его как кобылу на воскресном рынке. Пусть цена за собственную честь высока — оно того стоило.

Пол открыл было рот, чтобы ответить на обвинение, но Хоук взмахом руки приказал ему молчать.

— Мне не требуется ваше объяснение, есть свидетельские показания, — он взял из рук адъютанта папку и разложил несколько листов перед собой. Бегло изучив показания, он в упор уставился на капитана.

— Формально это трибунал. Вас будут содержать под стражей, что довольно унижительно, а ещё вашей карьере придёт конец.

Он явно смаковал каждое слово своей тягучей, удушающей речью. Пол грустно подумал, что три поколения военных закончатся на нём, но сожалеть о содеянном он по-прежнему не собирался.

Ему вдруг вспомнился мерзкий звук хлыста, рассекающего кожу, и по спине пробежали мурашки. Капелька пота достигла ягодиц, и его плечи непроизвольно передёрнулись.

— Однако, — продолжил Хоук.

И вот этого Пол не ожидал: он-то думал, что никаких «однако» здесь и быть не может.

— ... репутация подполковника Ричардсона нам известна. Человек он, как бы это сказать... неудобный, со специфическими вкусами. К тому же до этого досадного инцидента вас характеризовали крайне положительно, чего мы не можем игнорировать. Поэтому предлагаю выбор. — Хоук собрал листы в папку и захлопнул её, — Первый вариант — арест. О-о, это будет долгая пауза в вашей жизни, и последствия, уж поверьте, вам точно не понравятся.

Полковник замолк, явно о чём-то задумавшись. Пол замер от нетерпения, хотя отчасти уже догадывался, о чём пойдёт речь.

— Второй вариант — служба, — Хоук уставился на капитана, изучая его реакцию.

— Какая именно, сэ?

Полковник открыто усмехнулся и продолжил:

— Та служба, за которую не благодарят и не платят, и почестей не выдают. Это может быть неприятно и опасно. Вся ответственность только на вас, и решения вы будете принимать сами. И главное — подальше отсюда.

— Это ссылка? - спокойно уточнил Пол.

— Нет, — ответил Хоук, — это шанс для вас. Если всё пройдёт успешно, инцидент будет забыт, и вы сможете вернуться в Лондон. А если нет... — полковник замолк, — думаю, вам будет уже без разницы.

В кабинете было тихо. Пол посмотрел на папку.

— Это законно? — наконец спросил он.

Полковник грустно улыбнулся.

— Это необходимо, капитан!

Пол выпрямился.

— Тогда я выбираю службу, сэ!

Хоук громко хлопнул в ладоши, явно удовлетворённый ответом.

— Я и не сомневался. Инструкции получите отдельно. Запомните, капитан, — напоследок сказал Хоук, — Вы не наказаны, вы использованы.

От этой последней фразы Полу стало не по себе: словно грязный извращенец Ричардсон снова ухватил его за яйца. Но он, как ни в чём не бывало, поклонился и вышел.

Стук копыт и грохот карет, спешащих по Уайтхоллу, казались раскатами грома; раздавались зычные голоса извозчиков и визгливый голосок мальчишки с газетами. За пределами кабинета полковника Хоука жизнь шла своим чередом.

Пол испытывал смешанные чувства: со скучной, ненавистой службой было покончено, но, с другой стороны, последние слова полковника и полная неизвестность пугали.

После полумрака Военного ведомства глаза ослепил яркий солнечный свет. Пол потёр их тыльной стороной ладони, пока они не заслезились, и часто заморгал. Как только перспектива быть опозоренным отступила на задний план, тело расслабилось и затребовало отдыха.

Подавив зевок, капитан оправил мундир и выдохнул. «Хотя бы шкура пока целая», — улыбнулся он про себя и зашагал в сторону дома, собираясь как следует отоспаться.

Глава 5

Прошло ещё несколько недель. Верити окрепла телом, но душа её застыла в отчаянии и боли. По ночам она просыпалась на подушке, мокрой от слёз. Мысли, от которых легко было избавиться днём, так и лезли в голову по ночам, не давая покоя. Верити бродила по дому, надеясь, что озноб утомит её сильнее тоски, и, продрогнув до костей, ныряла обратно в постель, вымаливая у Морфея забвения.

Миссис Джонс, которой ночные рыдания и скрип половиц отдавались в сердце неприятным чувством вины, решила действовать. Дочь была спасена от Сэмюэля Уитмора, но увядала, не в силах перенести разлуку с любимым.

После утреннего чая она пригласила Верити в гостиную на разговор. Яркое весеннее солнце сочилось сквозь тяжёлые кружевные занавески, создавая подвижный узор на полу, а из приоткрытого окна доносился весёлый птичий гомон и дуновение тёплого ветерка. Но никто в гостиной не замечал благостного летнего дня.

Словно статуя, обёрнутая в серый шёлк, миссис Джонс стояла у вычищенного камина, хмурясь и собираясь с мыслями. Верити сидела в кресле с отрешённым видом, но её пальцы без конца теребили носовой платок, превращая его в мокрый комок. От худобы она казалась ещё выше, чем была, а плечи её теперь всегда сутулились.

— Я всё обдумала, — произнесла миссис Джонс тоном, не терпящим возражений. — Довольно этих страданий!

Верити вздрогнула, но ничего не ответила.

— Этот человек не стоит ни единой твоей слезинки. Проклятый Уитмор!

«Она знает?» — судорожно сообразила Верити. Удивлённый взгляд дочери вызвал грустную улыбку на лице мисс Джонс.

— Ты же не думаешь, что я не знала?

Верити молчала, но её вид был красноречивее любых слов.

— Твоя болезнь — это нервное состояние, а такое не лечится сиденьем в четырёх стенах и ночными рыданиями в подушку. Я решила, что тебе нужно сменить обстановку.

Миссис Джонс шагнула к дочери. Верити отчего-то вжалась в спинку кресла. Мать опустила свою прохладную ладонь ей на плечо, словно боялась, что дочь убежит.

— Я написала твоей тётке, Агате Д'Обинье.

Верити наконец подняла глаза — в них впервые за долгое время мелькнуло что-то живое.

— Д'Обинье? Они же в...

— Она с дочерью живёт в Брайтоне, — перебила её миссис Джонс. — Морской воздух пойдёт тебе на пользу, к тому же эта сумасбродная вдовушка расшевелит и покойника. Ты таешь на глазах, девочка, а я не могу больше на это смотреть!

Заметив сомнения во взгляде дочери миссис Джонс вспыхнула:

— Не думай, что я монстр, девочка!

— Я так и не думаю, матушка, — прошептала Верити, и голос её был тише шороха ветра за окном.

— Вот и отлично, — миссис Джонс удовлетворённо кивнула. — Значит, всё решено.

Она поцеловала дочь в макушку — сухо, быстро, словно украдкой — и тут же отстранилась.

Дилижанс жалобно скрипнул в последний раз и остановился у respectable постоялого двора в центре города. Верити наконец была свободна от этого брэнчащего и трясущегося деревянного ящика и дурнопахнущих попутчиков. Все её конечности ужасно затекли, в голове звенело, но как же приятно было стоять ногами на твёрдой земле.

Оглядевшись, она увидела тётушку Агату и свою кузину Софи. Вообще-то, последний раз она видела Агату, когда едва научилась ходить, и совсем не представляла, как выглядят её родственницы. Но, судя по тому, что ей рассказала мать, это были они. Две разодетые в пух и прах розовошёрские барышни махали ей изо всех сил. Верити робко помахала в ответ и направилась к ним. Два облачка из шёлка и кружев почти задушили её в объятиях.

— Тетушка, тетюшка, мне нечем дышать, — улыбалась Верити, смущённая, между тем, не слишком ли фамильярно она к ней обращается.

— Какая же ты выросла! — Агата отстранилась и внимательно разглядывала свою племянницу, — Я видела тебя такой милой крошкой, но что за красавица из неё выросла! Правда, она прелестна, Софи?

— Добро пожаловать, кузина, — улыбалась Софи. — Конечно, она прелестна, мама, — одобрительно качала она головой.

Мать и дочь были сильно похожи: очень миловидные блондинки с большими голубыми глазами, два одинаковых острых носика и даже одинаковая родинка над правой бровью. Но леди Агата Д'Обинье уже имела морщинки в уголках глаз и губ и ростом на пол головы была ниже своей дочери.

— Наш фаэтон здесь за углом, — тётя и племянница подхватили Верити под руки с двух сторон.

— Пойдите, а как же мой багаж? — Верити озадаченно оглядывалась по сторонам.

— О, не переживай, деточка, лакей уже его наверняка погрузил.

— У вас есть лакей? — удивилась Верити. Она слышала, что папина сестра удачно вышла замуж, но никогда не задумывалась насколько.

— Конечно, есть, — хихикнула Софи, — и не один. Поедьте скорее домой! Мне не терпится тебе всё показать!

Тётушка и кузина оказались не в меру весёлыми болтушками. Всю дорогу до дома они наперебой пытались поведать Верити в последние новости и сплетни местного общества. Иногда родственницы радостно махали и прямо на ходу приветствовали своих знакомых — открытый фаэтон очень подходил для такого. Порция любопытных взглядов и сдержанно-вежливых улыбок досталась и Верити, отчего ей было не по себе, и она старалась по большей части глядеть в пол.

Особняк Д'Обинье располагался на одной из главных улиц города. Трёхэтажный, построенный из светлого песчаника дом, с высокими окнами в белоснежных рамах, произвёл на Верити неизгладимое впечатление. На белом мраморном крыльце выстроилась прислуга, чтобы поприветствовать гостью. Верити перед таким великолепием невольно смутилась своим простым нарядом и скромным багажом.

— Не волнуйся, здесь ты почётная гостья, — шепнула ей на ухо Софи, заметив смущение кузины.

Верити была представлена слугам, которые смотрели на неё скучающе-равнодушно и без особого усердия кланялись. А потом перед ней распахнулась дверь.

Вестибюль был великолепен: мраморный пол, широкая лестница из красного дерева, в вышине под самым потолком — огромная хрустальная люстра, отбрасывающая тысячи радужных бликов. Стены были увешаны картинами предков с выдающимися профилями.

Верити заметила портрет своего отца и замерла. На неё смотрел совсем молодой мужчина с чёрными волосами и бледной кожей, уголки его губ были приподняты, и он словно приветливо улыбался своей дочке. Таким молодым она его не видела: у матери в кабинете на столе всегда лежала миниатюра, но она была написана перед самой его смертью.

— Он был красавцем, — с восхищением произнесла материализовавшаяся рядом Агата.

— Точно, — подтвердила она.

Верити во все глаза разглядывала окружающую её красоту, не забывая о том, что подумают слуги. Первое смущение от своего скромного вида уже прошло. Софи, отогнав дворецкого, сама вызвалась показать Верити её комнату. Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж, прошли по длинному коридору, устланному толстым ковром.

— Вот она, — подпрыгивая от нетерпенья, Софи открыла тяжёлую дверь. Комната была изысканно обставлена. Кровать с балдахином, резной письменный столик у окна, небольшая библиотека. Ковёр был в постельных тонах, но в самой комнате преобладал нежный голубой цвет.

— Иди же сюда, самое интересное здесь! — Софи за руку тянула Верити к окну. Она с торжественным видом отдернула занавески, открывая вид на чудесный ухоженный сад, а за ним вдалеке виднелось море.

— Правда здорово? — Софи нетерпеливо переменялась с ноги на ногу, ожидая реакцию на свои старания.

— Я подобного и вообразить не могла! — Верити была искренна в своём восторге.

— Сейчас в гостиной подадут чай, но, если хочешь отдохнуть с дороги, мы не обидимся. У нас тут всё по-простому, — уже в дверях прощепетала Софи.

«Да уж по-простому», — ещё раз оглядывая комнату, подумала Верити.

— Благодарю, кузина, я бы очень хотела отдохнуть, — улыбнулась она.

В ответ Софи кивнула своей чудесной светлой головкой и исчезла.

Позже служанка принесла для Верити чай и сэндвичи с пирожными. От запаха она остро ощутила, насколько голодна. Приличную еду Верити в последний раз ела дома, а ужин, который предлагался в таверне перед отправлением дилижанса, она решила пропустить. И, кажется, незря: один из её попутчиков — молодой викарий, тонкий как ивовый прут и бледный как первый снег, — в поездке позеленел, и живот его угрожающе урчал. Пассажиру пришлось сойти на несколько станций раньше, чем планировал; оставалось надеяться, что в том захолустье был хотя бы лекарь или травница.

— Мисс, если вам что-то будет нужно, позвоните и я приду, — служанка указала на сонетку, свисающую со стены, и вышла прочь.

Больше покой Верити никто не нарушал. Она с удовольствием перекусила и под тяжестью съеденного мирно уснула.

Дни побежали яркой чередой событий. Утро обязательно начиналось с прогулки по побережью: было непривычно ходить по гальке и песку, но Софи утверждала, что вдыхать запах моря очень полезно. Пахло, кстати, не только морем, но ещё водорослями, дёгтем, мокрыми кантами и свежим уловом рыбы, который продавался тут же с рыбацких лодок, а иногда доносился и душок чего-то протухшего.

В одну из таких прогулок Верити впервые увидела странные повозки на больших колесах, которые лошади медленно тянули к воде; из них выходили дамы в длинных купальных рубашках и смело опускались в море.

— Что это? — тихонько спросила Верити.

Софи огляделась по сторонам в поисках того, что привлекло внимание кузины.

— Ах это! Купальные машины, — буднично заявила Софи. — Внутри можно переодеться, а когда тебя отвезут подальше от берега, прыгай в воду. Хочешь попробовать?

Верити невольно передёрнула плечами, представив, как холодная солёная вода прикасается к её коже.

— Нет, я, пожалуй, воздержусь. А ты купалась?

Верити не отводила взгляда от купальщицы, которую окатывали волны.

— Ну уж нет! — Софи так же передёрнула своими острыми плечиками.

Прогулка чаще всего заканчивалась в чайной, где кузины с удовольствием лакомились пирожными с чаем и наблюдали за местной публикой. Верити, казалось, люди здесь были более приветливые и общительные, а ещё более нарядные. Таких разодетых дам она раньше не видела — даже на танцах, которые изредка устраивали их соседи.

Софи в первый же день критически оценила гардероб своей кузины. Она долго не верила, что с собой у Верити всего одна сумка.

— Это немыслимо! Только одна сумка! Надо же! — восклицала Софи.

Под натиском кузины было решено навестить портниху. Несколько часов подряд к ней прикладывали ткани и кружево, измеряли, как только можно, и просто без меры суетились, отчего у Верити кружилась голова. Софи словно генерал раздавала приказы швеям, изящным взмахом руки отбраковывала ткань и характерно притопывала ногой, когда результат её устраивал. В конце Верити без сил рухнула в кресло, обмахиваясь веером, ощущая себя полностью опустошённой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.